

Алексей Яковлев

ПРОКЛЯТЬЕ КЛЕОПАТРЫ

Книга вторая
ПЕРНАТЫЙ ОБЕРЕГ

Проклятие Клеопатры

Алексей Яковлев
Пернатый оберег

«Геликон Плюс»

2014

Яковлев А.

Пернатый оберег / А. Яковлев — «Геликон Плюс»,
2014 — (Проклятие Клеопатры)

Во все времена среди тысяч обычных людей едва ли можно было отыскать хотя бы одного человека, обладающего паранормальными способностями. Но в конце двадцатого века, в годы перестройки, вдруг обнаружилось, что на свет все чаще стали появляться дети, от рождения наделенные сверхъестественными, поистине магическими силами. Ученые назвали этих чудо-детей «дети индиго». Герой романа «Проклятие Клеопатры» капитан УГРО Глеб Панов приезжает в поместье миллиардера Никандрова с надеждой, распутав обстоятельства таинственного похищения его пасынка, получить щедрый гонорар от благодарного отчима. Однако опытный сыщик сам запутывается в колдовских сетях никандровской дочери – индиго Юлии.

© Яковлев А., 2014

© Геликон Плюс, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	23
Глава 3	34
Глава 4	48
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Алексей Яковлев

Пернатый оберег

© Яковлев А, текст, 2014

© Геликон Плюс, макет, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

А «форд» тем временем все мчался в лавинно-машинном облаке бензиново-выхлопной вони по направлению к Разнесенску. Отмелькали по сторонам шоссе леса и перелески, их сменили коттеджи, дачи, дома и просто домишки, выглядывающие одни из-за высоченных железных или кирпичных стен, другие – из зелени садов и палисадников. А вот и величественная бетонная стена, бетонными же буквами оповещающая: «Разнесенск». И над кронами деревьев вздыбились остовы ложнокирпично-бетонных новорусских небоскребов. Мастера точечной застройки, одарив московские дворы архитектурно-типовыми титанами, наконец вырвались за пределы мегаполиса на оперативный простор столичной области. Недостроенные домины уже украсились рекламой, призывающей богатеньких Буратинок не упускать свой шанс в связи с почти гуманитарным снижением до уровня облаков заоблачных цен на квадратные метры и умильно заманивающей в ипотечную кабалу рискованных представителей нижесреднего класса. Ближе к центру города вдоль шоссе уже высились и вздымались двух-, и даже трехэтажные дома краснокирпичной дореволюционной эпохи. Но их фасады сияли жизнерадостной свежей покраской, и архитектурные долгожители явно не собирались разделять печальную участь московской гостиницы «Россия».

Большая часть города была застроена типовыми пятиэтажками. Эти новостройки второй половины прошлого века критически настроенная в отношении тоталитарных порядков элитная интеллигенция презрительно именovala «хрущобами». Это и понятно, ведь сами шестидесятники по большей части проживали в высокопотолочных «сталинских» квартирах. Однако жители довоенно-послевоенных бараков и полуподвалов, ставшие новоселами хрущоб, придерживались другого мнения. Им хрущобы казались, да и были в действительности, по сравнению с их прошлыми жилищами дворцами Шахерезады. Теперь фасады хрущёв и брежневов приукрасились расписными радугами, чтобы оптимистичнее настроить разнесенскчан. Архитектурное благолепие портили только высоченные фабричные корпуса старинной краснокирпичной кладки. Знатно, на века работали каменщики России, которую мы потеряли. Времени оказалось не под силу разрушить их мощные, чуть ли не крепостные стены, а людям удалось только снаружи их изгадить.

Глеб где-то читал, что Разнесенск еще в девятнадцатом веке облюбовала знаменитая российская купеческая фамилия. Это были не те купцы, что в ресторанах, пуская пыль в глаза и выпендриваясь, прикуривали от сторублевой купюры. Основательные купцы знаменитой фамилии от сторублевок не прикуривали и на певичек свои состояния не растранижировали. Все свои денежки они вложили в производство отечественных ситцев, сатинов и прочих тканей, построив краснокирпичные фабричные корпуса и такого же цвета и качества общежития и школы для рабочих. Их фабрика затем превратилась в комбинат, и этот комбинат стал красой и гордостью легкой промышленности Российской империи, а потом и Советского Союза. Ныне «краса и гордость» зияла выбитыми окнами, выломанными рамами и являла собой унылую картину запустения и разрухи. Бывшие труженики легкой промышленности, продолжающие жить в краснокирпичных общежитиях, с прекращением выпуска отечественных тканей и потерей работы все же не стали ходить без штанов и рубашек, и не похоже было, что они прямо так уж умирают от голода. Последнее было тем более удивительно, что сам Разнесенск исторически возник и развивался как приложение к знаменитому комбинату. Большинство горожан там работали, остальные этих работающих и создающих обслуживали. А больше и работать-то было негде! Правда, уже в позднесоветское время в городе построили еще одно предприятие – так называемого среднего машиностроения. Но оно приказало долго жить своим рабочим еще раньше, чем обанкротился гигант текстильной индустрии. Тем не менее жизнь в городе не прекратила свое течение. Магазины, украшенные евроремонтом, радовали глаз широким

ассортиментом. Тут вам предлагались белорусские морозильники и холодильники, китайские игрушки, китайские подушки, китайские одеяла, китайские покрывала, китайские фонарики, китайские воздушные шары, китайские брюки, китайские куртки, китайские шорты, китайские тужурки и прочее, и прочее, и прочее. Там бери – не хочу: израильская картошка и турецкая редиска, бразильские яблоки и аргентинские помидоры, африканские бананы и тайландские киви, латвийские шпроты и эстонская салака, голландская камбала и гренландская селедка, египетский укроп и марокканский чеснок и так далее, всего не перечислишь. По улицам мимо магазинов шумел и шуршал, гремел и лязгал, воняя выхлопами и визжа тормозами, бесчисленный импортный автосеконд-хэнд. Он тоже прибыл к нам со всех концов необъятной ВТО.

Если улица гремела и воняла, а фасады зданий сияли радугами, то забордюрное пространство вдоль улиц цвело цветами, и центр центрального сквера даже украсился бронзовой композицией на тему известного чеховского рассказа. Особенно умирительно выглядела на цветочном фоне бронзовая собачка, очевидно, Каштанка, преданно глядящая своими бронзовыми глазами то ли на свою бронзовую же хозяйку, то ли на здание администрации, в котором отцы города в цветочном обрамлении денно и ночью пеклись о благе сограждан. А граждане Разнесенска и всего Разнесенского района в целом, за неимением возможности производить вещественную продукцию в связи с исчезновением реальной сферы экономики, смело продвинулись дальше по пути прогресса и вполне оправдали чаяния либеральных реформаторов о скорейшем переходе к высшей ступени развития цивилизации – постиндустриальному обществу. И даже не только к постиндустриальному, но, судя по ассортименту супермаркетов, и к постсельскохозяйственному. Хотя в этом направлении либеральные реформы пока не увенчались полным успехом. На одной из улиц Глеб увидел автобочку с надписью «Молоко», и продавщица клятвенно уверяла скептически настроенных покупателей, что продает не разведенный водой импортный сухомолочный порошок, а всамделишное молоко отечественных буренок, укрывавшихся от беспощадной поступи прогресса в потаенных схрапах. А неподалеку от бочки ларечница тоже божилась и клялась, что торгует не перемороженными заокеанскими «ножками Буша», а свежими окорочками рязанских бройлеров. Ну да Бог им судья, если они лукавили.

Недоверчивые горожане тоже трудились как пчелки, в основном в сфере высоких информационных технологий, оказывая друг другу различные жизненно необходимые услуги: коммунальные и социальные, здравоохранительные и правоохранительные, регистрационные и агитационные, торговые и почтовые, ассенизаторские и приватизаторские и прочие, и прочие... Так что все состояли при делах, за исключением пенсионеров довольно ободранного вида, толпящихся у зданий Пенсионного фонда и Социальной защиты, граждан нетрезвого поведения, осаждающих пиво-водочные торговые точки, и лиц неустановленного социального статуса, слоняющихся по улицам в разгар рабочего дня с неопределенным выражением на физиономиях. Ну и, разумеется, тут же присутствовали многочисленные гости из дальнего и ближнего зарубежья, торгующие, убирающие и гуляющие, а также вольное племя их сограждан в традиционной национальной одежде, алчущее финансовых субсидий от мимопроходящих аборигенов. У наблюдателя этой идиллии возникает только один вопрос: как и почему так случилось, что сфера информационных и прочих услуг осталась без прочного индустриального фундамента на манер висячих садов Семирамиды? Возможно, какой-нибудь экономист объяснит, что новорусский капитализм, благополучно избежав стадии империализма, сразу перешел в стадию идиотизма? А как долго висячие сады Семирамиды смогут оставаться в подвешенном состоянии, то есть насколько прочна подвеска и скоро ли она оборвется, не скажет даже и экономист. Разве что с этим вопросом обратиться к тому сообразительному мальчику, который раскрыл глаза своим соотечественникам на новое голое платье короля. И мудрый малыш объяснит причину нынешнего неустойчивого положения садов Семирамиды, висящих

на честном слове оффшорных инвесторов и на одной импортной петле, и предскажет будущее этого садового товарищества и всех садоводов, зашифровав свое прорицание не в катрене, на манер Нострадамуса, а в детской загадке, что больше соответствует его нежному возрасту: «А и Б сидели на нефтяной трубе, А украла, Б тоже украла и вместе с А сбежала. Кто, одураченный, останется сидеть на опустевшей нефтяной трубе?» Не зря говорят, что устами младенцев глаголет истина.

Вот и младореформаторы в годы благодетельных приватизационных реформ не раз твердили миру, что первоначальное накопление всегда осуществляется неприличными, непристойными и даже незаконными способами. Это нормально и правильно. Так было во всех цивилизованных государствах. Сегодня он душегуб, бандит, грабитель с большой дороги и даже пират, по которому виселица не то что плачет, а прямо таки рыдает, а завтра вложил награбленный капитал в бизнес – и стал достойным членом общества. Сограждане на него не нарадуются! А уж когда детки тех душегубов выучатся в Гарвардах и Оксфордах и сядут в банкирские кресла на места почивших в бозе папенок, настанет для народа не жизнь, а сплошная малина! А пока народонаселению придется потерпеть, лет этак пятьдесят, а может, и сто. Кого-то за это время обворуют или ограбят, кого-то и убьют, не без этого. Ничего не поделаешь, прогресса человечества без потерь не бывает. А пока главное – не заглядывать в чужие карманы и не спрашивать, откуда деньги. Это неприлично. Тем более что ответ заранее известен: «Из тумбочки!» Но Россия – уникальная страна! Какая-нибудь там Англия накапливала первоначальный капитал лет двести-триста, а у нас двадцать лет – и готово!

– Всё, граждане, – сказали младореформаторы, – период первоначального накопления закончился! Теперь живем честно! Понятно?

Уж, кажется, всё объяснили, по полочкам разложили, разжевали и в рот положили, а тупое население никак не поймет: то банк ограбят, то за мизерную оплату уважаемого бизнесмена в его собственном «мерседесе» взорвут. У человека сотня миллионов долларов приватизирована, а его за такие гроши взрывать?! Тьфу! И не стыдно?! И главное, период первоначального накопления уже закончен! Вы что, не слышали?! А эти обормоты нагло отвечают:

– Это у вас период первоначального накопления закончился, а у нас только начинается!

Умные у нас были младореформаторы, да тупой народ им достался.

– Разве с таким народом цивилизованное общество построишь? – вздыхают огорченные приватизаторы. – Даже жить с ним в одной стране противно! Слава богу, денежки наши в зарубежных банках. Особняки в Лондонах, Парижах и Ниццах куплены. Жены с малыми детьми там живут, а старшие уже в Оксфордах да Гарвардах, как положено, учатся. Ну а самим, зажав нос, кривя губами и скрипя зубами, приходится в этой стране иногда присутствовать... пока нефть не кончилась.

Вот такая отгадка у мальчугановой загадки. Глеб не имел экономического образования и детский возраст давно перерос. Поэтому он не стал раздумывать над перспективами висячих садов и садовых коллективов и разгадывать детскую загадку, а занялся своим делом. Куда нужно обратиться, чтобы побыстрее найти в незнакомом городе человека? Конечно, в местную полицию, которая многих знает, или, по крайней мере, о многих должна знать. Тем более о таком нерядовом семействе, как родственники Артюнянца. Возможно, и городские власти о родственниках олигарха наслышаны.

Здание городской администрации находилось в пределах видимости, и Глеб приткнулся со своим «фордом» с краю ВПП-стоянки. Автосеконд-хэнда здесь не наблюдалось, а стояли всё дорогие иномарки, и в их ряду Панов увидел полицейскую автомашину с мигалкой. Глеб подошел к водителю, показал свое удостоверение, объяснил, что хотел бы увидеть кого-нибудь из полицейского начальства, и поинтересовался, как добраться до городского ОВД.

– Зачем вам ехать в ОВД, – любезно посоветовал водитель столичному коллеге, – когда сам начальник перед вами? – и водитель указал на полицейского полковника, выходявшего из административного здания об руку с начальственным вида господином в штатском.

Глеб хотел дожидаться, когда начальники закончат разговор, но господа не спешили расставаться и, судя по улыбкам и смешкам, от обсуждения неотложных важных дел перешли к анекдотам. Тогда Глеб решился нарушить субординацию и, извинившись, что прерывает важную беседу, представился полковнику и сообщил о цели своего приезда.

– Артюнянц? – переспросил полковник. – Однофамилица самого? – и указал перстом в поднебесье. – Да мало ли у нас приезжих однофамилиц и однофамильцев Их не то что узнать, зарегистрировать невозможно!

– Не однофамилица, а родственница, – вежливо поправил начальника ГОВД Глеб и тоже почтительно возвел очи горе.

– Что-что?! – встрепенулся начальственного вида господин в штатском. – У нас в городе проживает родственница самого Артюнянца, а администрации об этом ничего не известно?! – и он строго воззрился на полковника.

– Не зарегистрировано у нас никаких родственников господина Артюнянца, – раздосадованно окрысился на Панова полковник. – Если бы кто-то из близких такого лица, – и начальник ГОВД опять указал перстом в небеса, – не то что проживал, а на короткое время остановился в нашем городе, я бы немедленно проинформировал об этом администрацию.

Босс в штатском полковнику не очень-то поверил и даже стал припоминать его упущения в регулировании миграционного потока. Тот оправдывался и вежливо переводил стрелки ответственности на законодательную и исполнительную власть. А Глеб понял, что невольно поставил полковника в неудобное положение и нужно исправлять ошибку, пока отношения с местной полицией не испорчены окончательно. Правильнее всего в таком положении было заболтать неловкость. Панов извинился и признал, что, возможно, произошло недоразумение и девушка, которую он разыскивает, живет вовсе не в Разнесенске, а в соседнем районе. Да к тому же она не обязательно родственница олигарха, а вполне может быть просто его однофамилицей. Полковник перестал смотреть на Глеба волком, а босс из администрации выглядел разочарованным. Развивая успех, ловкий дипломат поторопился перевести разговор на другой предмет.

Нужно заметить, что с момента отъезда в Разнесенск и даже чуть раньше – после рассказа Новикова о злосчастной судьбе влюбленного в Юлию студента, которого угрозидило потом поддаться чарам Марфы и преподнести ей в знак своей симпатии цветок, – Глеба не то что мучила, не то что свербил, не то что сосала, а просто несколько беспокоила одна мысль, и даже не мысль, а малюсенькое опасение... Нет, зная предвзятое отношение Новикова к Юлии, Глеб нисколько не верил его наветам на защитницу шелудивой собачки. Но, с другой стороны, Новиков – бывший боевой офицер, и он не унизится до беспардонной лжи и клеветы в адрес ни в чем не повинной девушки, как бы она ни стояла ему поперек горла. Поэтому все факты, которые Новиков приводил в обоснование своих обвинений в адрес Юлии, имели место в действительности. Вот только выводы на основе этих фактов он делал предвзятые, а значит – неверные. Да, Юлия не любила Дэна, а после трагической гибели от Дэновой злодейской руки ее любимой кошки Клеопатры и малых Клеопатриных котятусшек совсем взъярилась. Но это вовсе не означает, что именно она организовала похищение Дэна и впоследствии вымогала деньги за его так и не состоявшееся освобождение. И если суммы выкупов, полученных неизвестными похитителями Дэна, совпадали с уплаченными Юлией отступными при выделении ей земельного участка под кошачье-собачье мемориальное кладбище, то это может быть чистой случайностью. Скорее всего, и это единственное приемлемое объяснение, Юлия выклянчила деньги у матери. Неужели известная красавица, окучившая не одного миллиардера, пожалеет для единственной дочери какую-нибудь сотню-другую тысяч долларов?! И с покойным Ники-

той Юлия ссорилась, Глеб сам тому был свидетелем. Но не убьет же она сводного брата из-за каких-то ворон и петуха, пусть даже обрядового?! К тому же обвинение Никиты в том, что он травил Усю и Русю колбасой, купленной в супермаркете, явно несправедливое. Люди эту колбасу едят – и ничего. Почему же собачкам будет от нее плохо? Юлия хоть и упрекала Никиту в зловещем умысле, но в глубине души должна была признать, что колбаса – это все же не яд! И опять же случай с влюбленным студентом. Возможно, Юлия, не отвечавшая ему взаимностью, все же обиделась, когда неверный поклонник переключился на Марфу. Ведь обычай «сама не гам и другим не дам» среди милых представительниц прекрасного пола имеет самое широкое распространение. Юлия – чудесная девушка, но это не освобождает ее от небольших женских слабостей. Она решила наказать непостоянного кавалера. Но как? Неужели толкнуть юношу под машину?! Глеб не мог поверить, что Юлия способна на такое злодейство! Произошло недоразумение, несчастный случай! Еще известный классик русской литературы Серебряного века в своей не менее известной повести описывал, как юная девушка, демонстрируя возлюбленному свою колдовскую силу (об экстрасенсах и детях-индиго в ту пору и слухом не слыхивали) заставляла молодого человека раз за разом падать на ровном месте. То же и Юлия проделала с легкомысленным студентом. Но на большее, чем шишка на лбу ее обидчика, юная мстительница не претендовала. Увы, она не предполагала, что юноша шлепнется посреди проезжей части дороги, аккуратно перед машиной. Еще слава богу, что парень отделался относительно небольшой травмой!

Однако это – информация к размышлению, звучащая предостережением. Глеб помнил, с какой язвительностью Юлия высмеивала его за общение с Марфой. На чисто служебный интерес Глеба к Дуне она отреагировала не лучше. А если она узнает, что Глеб поехал в Разнесенск, чтобы с Дуней увидеться? Виконт д'Ал де Ла Панини надеялся, что красавица-индиго под машину его все же не пихнет, пожалеет. Но и ходить с фингалом на лбу – перспектива не из приятных. Нужно было от греха подальше обидчивую экстрасенсорку как-то умиловить. Самый короткий и верный путь к ее сердцу Глебу был хорошо известен, и его взгляд не зря остановился на бронзовой Каштанке.

– Любуюсь на эту высокохудожественную скульптурную композицию, – льстивым тоном обратился он к боссу из администрации, указывая на бронзовую собаколюбицу и ее подопечную. – Просто чудо! Особенно мне нравится изваяние собачки. Видно, администрация Разнесенска душой болеет за братьев и сестер наших меньших и, уж коли запечатлевает их даже в бронзе, наверняка открыла приют и для живых, но бездомных шавочек.

– Ну да! – сердито возразил папа города. – Это вы там, в Москве, с жиру беситесь, с ума сходите от избытка денег. А у нас бюджет – ноль целых, хрен десятых. Градообразующие предприятия-то обанкротились! Кстати, вы знаете, сколько стоит содержание в приюте одной собаки? Выходит сумма побольше, чем затраты на солдата в армии! Мы концы с концами связать не можем, а вы говорите о каком-то собачьем приюте!

– Но если у такого приюта есть богатый спонсор, его содержание не только не убыточно, а напротив, прибыльно для городского бюджета. Не говоря уже о том, что приют даст новые рабочие места. А то у вас, я вижу, с этим проблемы. Да и взаимопонимание с богатыми людьми тоже чего-то стоит! И я знаком с состоятельным благотворителем, который такое взаимопонимание особенно ценит.

Услышав о взаимопонимании, чиновник администрации оживился, в глазах у него затеплился огонек, и он заверил посланца потенциального благодетеля, что в душе-то всегда мечтал помогать бездомным собачкам, да финансовых возможностей не было. А если этим благим делом заинтересовался богатый спонсор, то он «за» двумя руками. На прощание добрый чиновник вручил Глебу свою визитку и попросил передать его персональный (это слово он особо подчеркнул) привет щедрому благотворителю. А полковнику предложил оказать заезжему собачьему коммивояжеру самое активное содействие в выполнении его благородной мис-

сии. Что именно подразумевал администратор под благородной миссией – содействие в знакомстве с богатым Буратинкой с небольшим собачьим приветом или поиски однофамилицы Артюнянца, – он не уточнял. Собаколюбивый чиновник удалился по своим административным делам, а за ним отбыл на машине с мигалкой по делам правоохранительным и полковник, также пообещав Глебу всяческое содействие вплоть до немедленного задействования личного состава ОВД для поисков таинственной однофамилицы олигарха.

Не преминул полковник и напомнить, что, коль скоро богатенький спонсор расщедрится на создание собачьего пансионата и на финансовое (лучше валютное) обеспечение его дальнейшей плодотворной работы, ОВД в его лице не останется в стороне от благого дела и обеспечит охрану правопорядка вокруг и около этого благотворительного учреждения за буквально символическую оплату. Опять же лучше в у. е. И добрейший полковник тоже вручил Панову свою визитку, наказав передать ее с выражением совершеннейшего его почтения богатенькому Буратинке, у которого, видно, денег куры не клюют, раз он расщедрился на такое обалденно благородное мероприятие. Глеб обещал визитку спонсору передать, а от полицейской помощи пока отказался, поостерегшись ненароком подставить разнесенских коллег. Ведь если какой-нибудь подчиненный полковника заявит, что ему известна родственница Артюнянца, проживающая в Разнесенске, получится, что этот всезнайка компетентнее своего начальника. А какой начальник такого подчиненного потерпит?! И Глеб решил искать Дуню самостоятельно, и найти ее, как он полагал, не составит большого труда. Судя по возрасту девушки, минуло не больше двух-трех лет с тех пор, как она закончила школу. Дуня – особа яркая, заметная, да еще и носит такую знаменитую фамилию. В школе ее наверняка прекрасно помнят, и что еще более ценно – знают, с кем Дуня общалась, кто числится в ее близких и лучших подругах. А побеседовав с ее настоящими или бывшими подругами, тем более – с близкими и лучшими, можно узнать о Дуне такое, чего она о себе никакому следователю никогда в жизни не расскажет.

Ближайшая школа размещалась как раз в краснокирпичном здании, построенном дореволюционными Тит Титычами еще в девятнадцатом веке, но могучественный домина следовать примеру московских гостиниц, возведенных в эпоху послесталинской оттепели и брежневского застоя, явно не собирался. Всем своим надежным и солидным видом он как бы говорил от себя лично и от лица, то бишь фасада, всех своих краснокирпичных собратьев: «Полторы сотни лет простоял и еще столько же простою и надежно прослужу своим обитателям, не подпускайте только ко мне московских прохвостов от бизнес-строительства».

Полюбовавшись на свежоокрашенные кирпичные стены, Глеб вошел в здание и сразу же был остановлен бдительным охранником: школа охранялась, как секретный режимный объект. Это тоже было следствием и последствием благодетельных пореформенных перемен. Пришлось предъявлять охраннику удостоверение, чего Панову не хотелось делать. К чему всех извещать, что Дуней интересуется полиция? Однако проникнуть в директорский кабинет другим способом не представлялось возможным.

Директриса, полная женщина лет под пятьдесят, в темном строгом платье и со строгим выражением лица, тем не менее встретила Глеба радушно. А на его вопрос, не помнит ли директриса, училась ли у них год-два назад некая Дуня Артюнянц, родственница известного олигарха Артюнянца, ответила риторическим вопросом:

– Разве бы моя школа так выглядела, если бы у нас учился ребенок самого Артюнянца?! Евроремонта нет, в кабинете информатики компьютеров раз-два и обчелся, и с другими кабинетами дела обстоят не лучше! Слава богу, у нас в девятом классе учится сын местного состоятельного бизнесмена. Вот, его щедротами хоть снаружи удалось школу покрасить. С ужасом думаю, что будет через два года, когда Вадик уйдет от нас во взрослую жизнь. Это раньше, при Советах, к каждой школе было прикреплено шефское предприятие. Бывало, придешь в заводууправление, а за спиной потихоньку стонут: «Опять она пришла чего-нибудь выпрашивать...» Но я такие несознательные высказывания быстро пресекала: «Ваши дети у нас учатся?»

Ваши! Вот и помогайте школе! А будете жадничать – пойду в райком! Там вас так пропесочат – не то что стекла, которые ваши же чада и выбили, вставьте, но и на новые рамы придется раскошелиться!» И помогали, потому что знали: никуда им все равно от нас не деться... А сегодня все предприятия частные, да они и обанкротились. Магазины тоже принадлежат частным владельцам. Если у хозяина ребенок у нас не учится, что ему до нашей школы?! Теперь каждый директор спит и видит, как бы залучить в свою школу дочку или сына богатого бизнесмена. Конечно, этой принцессе на горошине и принцу голубых новорусских кровей придется оказывать соответственные королевские почести. И все учителя предупреждаются: «Чтобы ни-ни!» Но зато и школа от их папули много поимеет, не придется ей хиреть в нищете... А вы спрашиваете, помню ли я, училась или нет у нас родственница самого Артюнянца?! Да мы бы вокруг нее всем педсоветом хороводы водили, так что мудрено было бы не запомнить! Но кого не было, того не было. Дуни-то учились, и не одна, вот только Артюнянцевых родственников среди этих Дунь не сыскать!

Пожелав директрисе, чтобы и новом учебном году в первый класс ее школы пришел сынок или дочка небедного человека и чтобы потом все последующие одиннадцать лет она не знала ни горя, ни забот, Глеб покинул краснокирпичные стены и поехал в другую школу. Адрес ее любезная директриса написала на бумажке и даже приложила к нему схему самого удобного маршрута. Школа номер два помещалась не в краснокирпичной крепости, а в обычной типовой панельной трехэтажке, но охранялась так же бдительно. В вестибюле школы толпились совсем взрослого вида девушки и юноши с усталыми и встревоженными лицами. Видно, на перерыв из класса вышли одиннадцатиклассники.

– К экзаменам готовятся, – уважительно пояснил охранник. – Только директора нет. Он в больнице лежит и вряд ли вообще вернется в школу. А за него Николай Антонович, наш историк. Да вот и он, – и охранник указал на высокого худощавого мужчину лет пятидесяти с густой, но, увы, совершенно седой шевелюрой. Историка окружили выпускники, а он стал их успокаивать и подбадривать перед предстоящими в недалеком будущем страшными ЕГЭ. Николай Антонович уверял своих трусивших учеников, что не так страшен черт, как его малюют, хотя сравнение ЕГЭ с чертом в устах маститого педагога само по себе характеризовало его отношение к очередной реформаторской затее в народном образовании. Что и. о. директора и подтвердил еще раз уже в своем кабинете, с горечью рассказав, что особенно в последний год одиннадцатиклассников не учат, а натаскивают на сдачу ЕГЭ.

– Вы что же, не приветствуете эту прогрессивную реформу наробраза? – деланно удивился Панов, который уже и раньше, правда краем уха, слышал нелестные отзывы о ЕГЭ.

Почти директор задумчиво поерошил свою седую шевелюру и вздохнул:

– Знаете, когда я совсем молодым учителем пришел в эту школу, то в первый же день попал на педсовет. Собственно, это даже был не педсовет, а так, летучка. Учителя собрались, чтобы почествовать свою коллегу, которой и вручили со всей торжественностью грамоту Гороно «За выдающиеся успехи в педагогической деятельности». Тогда в денежных окладах учителей большой разницы не было, не так как сейчас – одной репка, а другой ботва от репки. Сами представляете, какая после особых индивидуальных вознаграждений устанавливается погода в педагогическом доме. Но и тогда на лицах всех и каждой из учительниц, приглашенных на чествование награжденной (а коллектив педагогов в школах преимущественно женский), ясно читалось: «Чем я хуже этой Любви Петровны? Почему ей грамота, а мне – ничего?» Но все, понятно, эту свою обиду старались скрыть, поздравляли отмеченную высокой наградой, но за милыми улыбками чувствовался неслышимый миру зубовой скрежет. А потом, когда на большой перемене педагоги опять собрались в учительской, все почему-то стали хвалить и даже восхвалять, только не награжденную Любовь Петровну, а неизвестную мне Марию Никитичну, как я понял из разговора, недавно ушедшую на давным-давно заслуженный отдых. И прекрасный педагог эта Мария Никитична, и человек высокой куль-

туры, что называется – Интеллигент с большой буквы! И речь-то у нее правильная, теперь такую и не услышишь. И грамотность – любого профессора из Института русского языка и литературы за пояс заткнет! И то Мария Никитична, и се! Понятно, что все эти хвалы одновременно были и шпильками в адрес присутствующей тут же героини педсовета Любови Петровны. Мол, вот достойная награды кандидатура. Наградили бы Марию Никитичну – все бы искренне ее поздравили, потому как ее превосходство неоспоримо. Собственно, и панегирики в адрес Марии Никитичны закончились общим и единодушным признанием: «Нам всем до Марии Никитичны далеко!» Любовь Петровна, прекрасно понимавшая, в чей адрес направлены эти завуалированные стрелы, и стоически переносившая пытку ехидством, тут не выдержала: «Что вы все восхищаетесь – Мария Никитична! Мария Никитична! Мария Никитична закончила еще ту, дореволюционную гимназию... Как же ей не быть грамотной, культурной и интеллигентной?!» Так что я за реформы, которые дадут возможность воспитывать таких учениц, какой Мария Никитична вышла из гимназии. А пока что ни реформа, то очередная дурь. И каждая новая дурь предыдущую дурь усугубляет. А нужно просто возвратиться к дореволюционным гимназиям и реальным училищам с их строгой дисциплиной и высокой культурой обучения, основанного на религиозном и патриотическом воспитании учащихся. Разумеется, учебные кабинеты там должны быть насыщены самым современным техническим оборудованием.

Сделав такое сногшибательное заявление, почти директор запнулся, видно, вспомнил, что он лицо официальное. А официальному лицу не к лицу выступать с нелицеприятной критикой высоких руководителей, какими бы реформаторами из дурдома их в народных массах ни обзывали! Покашляв в кулак и еще раз взъерошив свою седую шевелюру, поклонник самодержавного наробраза счел за благо переменить тему разговора и поинтересовался, с какой целью работник полиции посетил их школу. Вроде никто из его учеников в последнее время никого не убил, не ограбил и даже не обокрал. А если визитер интересуется наркоманами, то он не раз предлагал на учительских конференциях – введите обязательное тестирование школьников на наркотики! Чтобы сразу же выявлять наркозависимых, срочно начинать их лечить, пока не поздно, а также выяснять, кто их сажает на наркотики. И наркодилеров надо сурово наказывать, конфисковывая у них имущество, нажитое трудами несправедливыми. А это значит – забирать все подчистую, потому что праведными трудами наркодилеры никогда и не занимались! В том числе и сам наркобарон, который никогда в жизни не работал, а живет роскошно, как шейх оманский! А пока такие мероприятия не проводятся, все, чем занимается полиция, – это пускание пыли в глаза! С наркоманией государство борется, а наркоманов с каждым годом становится все больше... Глеб понял, что критическим инсинуациям и инновационным предложениям во всех областях и направлениях государственной деятельности не будет конца, и, прервав народного реформатора на полуслове, рассказал о цели своего визита.

И. о. Николай Антонович заверил его, что Дуня Артюнянц его школу точно не заканчивала, потому что их школа обычная, а дети из таких семей наверняка учатся в привилегированных лицеях и гимназиях, каких в Разнесенске, увы, нет. Но адрес еще одной школы Глебу дал, честно предупредив, что та школа ничем не престижней, чем его. Панов распрощался с диссидентом от педагогики в твердой уверенности, что полноправным директором ему не стать никогда и даже с приложением и. о. он скоро распрощается. Найдется на вакантное директорское кресло другая энергичная и не мыслящая лукаво особа, все равно – мужского или женского пола, принципиально отвергающая любые завиральные идеи, за исключением установленных, одобренных и утвержденных свыше. Именно таких людей вышестоящее начальство рассаживает во все нижестоящие руководящие кресла, потому что для власти они надежны, как скала, и крепки, как гранит. Правда, только до первого критического момента. Тогда вместо надежной в благополучные времена скалы срочно требуется искать другие скалы под иные пьедесталы... А гранит рассыпается и разбегается гранить ранее чуждые или вовсе чужда-

ние мостовые! И на отечественные постаменты вдруг водружаются другие монументы, в почете оказываются личности, которые в спокойные времена власти и на дух не были нужны и находились от нее в полном пренебрежении...

Размышляя на такие отвлеченные темы, Глеб доехал до следующей школы. Она находилась почти за городской чертой, в бывшей деревне Укропино, которая в обозримые времена присоединилась к Разнесенску и стала считаться городской окраиной. Соответственно такому непрезентабельному местоположению и здание школы не поражало глаз современными изысками, а скорее всего представляло собой перестроенный барак. Среди такого убожества Дуне учиться было бы просто запаadlo! Панов даже не стал заходить внутрь архитектурного барокко, чтобы отыскать директора этого плебейского учебного заведения: что зря тратить время! Но для очистки совести решил поговорить с одним из предположительно педагогов: высоким сухощавым мужчиной лет сорока в спортивном костюме, по всем признакам – физруком. Тот на спортивной площадке и по совместительству футбольном поле укреплял ворота.

– У нас намечается открыть летний школьный лагерь, – пояснил он Глебу. – Путевки в оздоровительные лагеря родителям наших подопечных не по карману, так что пусть лучше во время каникул дети отдыхают здесь, при школе, а не гоняют по улицам. Хоть будет за ними какой-никакой присмотр. А на футбольных воротах малышня наверняка станет висеть гроздьями, как бы они не свалились и не придавили какого-нибудь шалуна.

Глеб вежливо поинтересовался спортивными успехами воспитанников физкультурного руководителя, и тот не без гордости рассказал, что в их школе активно работают различные спортивные секции: зимой – лыжная и хоккейная, а весной к ним еще прибавляется и футбольная. Легкой же атлетикой дети занимаются чуть ли не круглый год. Более того, уже несколько лет в школе работает стрелковая секция, и на соревнованиях его воспитанницы заняли первое место в районе по пулевой стрельбе.

Услышав об успехах воспитанниц бравого физрука в стрелковой подготовке, Глеб встрепенулся и поспешно спросил, не было ли среди учениц физработника год-два назад некой Дуни Артюнянц?

– Дуня Федотова? Ну как же! Это была моя гордость и надежда! Это она и заняла первое место на состязаниях по пулевой стрельбе! Но и в легкой атлетике Дуня была не из последних. Когда такие перспективные ученики и ученицы заканчивают школу и уходят от нас, особенно жалко расставаться. Но ничего не поделаешь, доля наша школьная такая: мы вырастили, воспитали прекрасного спортсмена, а потом он уходит к другому тренеру, которому все лавры и достаются. Вот и на Дуню Федотову теперь какой-нибудь институтский тренер не нарадуется, а про меня, ее талант заметившего и развившего, Дуня и думать забыла.

– Простите, – прервал его сетования Панов. – Я вам, конечно, соболезную и осуждаю неблагодарную Дуню Федотову, но я вас спрашивал не о Дуне Федотовой, а о Дуне Артюнянц.

– Так Федотова и есть Артюнянц, – пожал плечами физрук. – Дуня у нас одиннадцать лет числилась Федотовой, а перед самым выпуском ее маме ударила в голову мо... гм, то есть пришла в голову такая фантазия – переменить себе и дочке фамилию на Артюнянц. И с мужем вроде не разводилась. Я Федотова знаю, он уважаемый человек, был инженером на комбинате, пока комбинат не обанкротили. А теперь помогает жене торговать на рынке.

– У Федотовых свой бизнес?

– Какой там бизнес – кошкины слезы! Сначала челночили по Турциям да Грециям, а теперь накупят барахла на каком-нибудь московском рынке, а потом на нашем перепродают.

– Ну что же, бизнес как бизнес. В России он весь на купи-перепродай построен. Разница только в масштабах. И неудивительно, что супруга Федотова выбрала себе такой род деятельности: наверное, гены сказались. Как-никак она урожденная Артюнянц, родственница того самого Артюнянца. Вот бывшая Федотова, возгордившись таким родством, и решила вернуть себе девичью фамилию.

– Что?! Ирина Степановна Подосинкина – ведь такова ее девичья фамилия – родственница олигарха Артюнянца?! Не смешите меня! – и физрук действительно расхохотался. Я и с ее родителями, и с ней самой знаком с незапамятных времен. Семья как семья. И никакому олигарху они не родственники, иначе не жили бы так паршиво последние двадцать лет. И Дуню бы определили учиться в престижную гимназию, а не в нашу деревенскую школу, где к ней еще и привязывались всякие непотребные типы.

– Вы забываете, что когда госпожа Федотова была Подосинкиной, и сам нынешний олигарх Артюнянец мог быть никем и звали его тогда никак, то есть младшим научным сотрудником, а то и просто торговцем цветами или тем же барахлом, каким сегодня торгуют Федотовы. Поэтому Подосинкины с ним и не роднились, тем более они Артюнянцу скорее всего седьмая вода на киселе. Никто же не подозревал, что в те времена благословенных реформ миллиардные состояния будут делаться из воздуха.

– Согласен называть те реформы благословенными, – скривился физрук. – Ведь мне как педагогу не пристало выражаться нецензурными словами.

Глеб от греха сменил тему разговора:

– Да, а о каких непотребных типах, что привязывались к Дуне Артюнянец, вы упомянули? Неужели и такие учились в вашей школе?

– Ну, в любой педагогической семье не без уroda, – неопределенно пояснил физрук. – Но вы об этом лучше порасспросите ее подружку. Анята! Рассадина! Подойди, пожалуйста, сюда!

От группки старшеклассниц, замученных натаскиванием на ЕГЭ, но уже временно отмутившихся и с облегчением выбравшихся из храма педагогики в стиле барокко на вольный воздух, отделилась высокая темненькая девушка в униформе выпускницы – то есть в коротенькой, выше некуда, юбочке и усеченной блузочке, открывающей пупок.

– Анята, тут с тобой товарищ... гм... господин хочет поговорить... А у меня, извините, еще дел невпроворот. Приятно было бы еще с вами побеседовать, да некогда, – и любезный физрук поспешно удалился по своим школьным делам.

Глеб связал для себя нежелание физрука продолжать разговор о «непотребных типах» и его чересчур поспешный уход. А что, если и Дунина подружка Анята тоже не пожелает разговаривать на эту тему? И Панов решил подойти к заинтересовавшему его вопросу исподволь. Он не стал огорошивать миловидную брюнетку своим служебным удостоверением, а для начала, сделав восхищенную физиономию, рассыпался в комплиментах очаровательным выпускницам прекрасной школы, стоящим на пороге взрослой жизни. А в лице Аняты он, несомненно, видит и отличницу, и спортсменку, и победительницу городского конкурса красоты, если не прошедшего, то уж будущего – наверняка! Девушка комплименты приняла благосклонно, насчет отличницы вопрос замяла. О конкурсе красоты отозвалась пренебрежительно: мол, там все «мисски» получают свои звания не за красоту, а за деньги. О прочем она и говорить не хочет – просто из скромности. Видно, Анята действительно в конкурсе участие принимала, но в финал не прошла. А свои успехи в спорте подтвердила, похваставшись, что в районных соревнованиях по стрельбе они с другой разделили первое и второе места.

– А вы тоже спортсмен, наверное, тренер? – в свою очередь полюбопытствовала любознательная брюнетка, окидывая заинтересованным взглядом атлетическую фигуру собеседника. – Наверное, ваш вид спорта – тяжелая атлетика? Как жаль, что я кроме стрельбы занимаюсь только легкой атлетикой – бегом и прыжками. Я бы с удовольствием стала тренироваться под вашим руководством.

Глеб предположение девушки о своем тренерстве опровергать не стал, более того, отметил, что стрельба в сочетании с бегом и преодолением препятствий – это как раз то, что надо, самое оно! И попросил разрешения проводить очаровательную спортсменку до дома, чтобы поговорить на интересующую их обоих тему не спеша. Девушка охотно приняла предложение заезжего кавалера, и по дороге к ее дому Глеб узнал много нового и о своей спутнице, и о ее

подруге Дуне. Оказывается, вокруг Дуни кипели страсти покруче шекспировских. Сначала ее преследовал своей любовью, которая была ужасней ненависти, некто Додик.

– Он старый уже, этот Додик, ему уже больше двадцати, – Анюта взглянула на собеседника и запнулась, – то есть он старше ее. Противный такой, наверное, уголовник.

– Наверное или уголовник? – попробовал уточнить Глеб.

– Уголовник, противный очень. Потом его посадили, но уже отпустили. А папа у него бизнесмен... или бандит. У них особняк там, – Анюта махнула рукой, как обратил внимание Панов, в том же направлении, куда адресовал свое возмущение борец с наркотиками – иодиректор.

– А потом к ней пристал Серый. Этот точно уголовник. У него три пальца исколоты. Галка говорила, это значит – три раза сидел. Но Серый не из Разнесенска, он в Москве живет. Тоже все грозился. А Дуня дружила тогда со Стасиком, хороший мальчик из их класса... был. Он покончил жизнь самоубийством, повесился в роще за школой.

– Повесился, или повесили? – насторожился Глеб.

– Полицейский сказал: суицид.

– А что за Серый? Это кличка, или его зовут Сергей?

– Не знаю, Галка его так называла: Серый.

– А как Галкина фамилия? Где она живет?

Анюта пожала плечами:

– Мы с ней на дискотеке познакомились. Она тоже не из Разнесенска, но живет где-то поблизости, в поселке. Галка с этим Серым встречалась, даже ездила к нему в гости в Москву. Он ей кольцо подарил золотое! А потом избил, и они встречаться перестали.

Глебу так пришлось показать Анюте свое удостоверение. Он записал в ее тетрадку номер своего мобильного и попросил при следующей встрече с Галкой узнать адрес Серого или хотя бы фамилию и место проживания самой Галки. Анюта обещала все узнать и тотчас позвонить Глебу, а на прощанье собственноручно записала в блокнот нечаянного знакомого номер своего телефона и сказала, что после скорого окончания школы она собирается поступать в Московский институт управления и они могли бы продолжить свое знакомство уже на столичной почве. Глеб из вежливости выразил уверенность, что так оно и случится, а про себя сделал вывод, что из молодых да ранняя выпускница разнесенской школы уже во всех отношениях готова вступать во взрослую жизнь.

Затем Глеб посетил указанный Анютой дом семейства Федотовых-Артюнянц и дополнил мнение физрука, что не только место учебы Дуни, но и место ее жительства не соответствует статусу родственников олигарха. Дом, где родилась и до сего дня жила Дуня, представлял собой обычное поселково-деревенское одноэтажное строение с садиком под окнами, отгороженным от улицы даже не резным палисадом, а обыкновенным штакетником. Ни родителей Дуни, ни ее самой дома не оказалось, поэтому Панов подсел к компании пенсионерок на ближайшей скамеечке и изрядно пополнил свои сведения об интересующем его семействе. И о «непотребных типах» и их то ли родителях, то ли покровителях, предоставляющих возможность упомянутым типам отравлять жизнь порядочным девушкам и вообще всему обществу, ничуть при этом не опасаясь ни полоумного закона, ни слепоглухонемых правоохранительных органов. Впрочем, жалобы и обвинения и в высказываниях посещенных Глебом педагогов, и в откровениях Анюты, и в еще более резких нападках пенсионерок звучали если не совсем безадресно, то и не очень адресно. То есть люди предпочитали критиковать явления, а не личности, не называли точно место нахождения последних, а только неопределенно махали рукой. Но, как уже отметил Глеб, все – и педагоги, и Анюта, и пенсионерки – махали руками в одну сторону. А пенсионерки еще упоминали о каком-то особняке. Поэтому Глеб уселся в свой «форд» и поехал в указанном неопределенном направлении. По дороге он не столько любовался досто-

примечательностями Разнесенска, сколько переживал, что не дал достойной отповеди пенсионеркам в ответ на их неполиткорректные высказывания.

Это ж надо только додуматься, чтобы законы называть полоумными! Тогда как все законы принимали и принимают в здравом уме и твердой памяти! Взять для примера хоть самый одиозный закон исторического прошлого – об отмене Юрьева дня. Неужели незначительный царь, окончательно закрепостивший такой отменой крестьян, действительно чокнулся, как утверждали бояре после того, как этот государь открыл свои хлебные амбары для голодающего народа? Ничуть не бывало! Просто после опричных реформаторских новаций предыдущего знаменитого царя народишка из родимой сторонюшки стал разбегаться кто куда. Одни оратаи намыливались на Дон, к казакам. Другие оратаюшки вострили лапти за горы Уральские. А землю кто будет обрабатывать?! Вот незначительный государь и прикрепил крестьян к земле, что было вполне адекватно сложившимся обстоятельствам.

Или приведем пример из эпохи культа сталинской и послесталинских личностей. С финансами тогда в государстве было туго. Да и сил одних комсомольцев-добровольцев и прочих юных энтузиастов, ныне в преклонном возрасте брошенных на недостроенных БАМах, не хватало для строительства тысяч заводов, дорог, ГЭС, АЭС и пароходов. Ну и постановили: использовать подневольный труд узников ГУЛАГа. Жестокий был закон? Жестокий! Но не полоумный! Построенные энтузиастами и узниками заводы на выпускали столько танков, ракет и броненосных атомыходов, что пришли в трепет все окрестные народы и государства! Да, трепетали!

Но и в наши дни тоже все делается по уму... Демократической России заводы строить без надобности. И так с индустриальными гигантами, возведенными в прежние времена энтузиастами и узниками ГУЛАГа, не знают, что делать. Только перетаскивать это все на металлолом – и то зачухаешься! Впрочем, юные и не юные нынешние энтузиасты с этим делом вполне справляются, так что никакой помощи узников ГУЛАГа им не требуется. Значит, и сам ГУЛАГ нам не нужен! Пусть нынешние узники ГУИНа-ФУИНа отдыхают себе спокойно на полном государственном обеспечении в ФУИНовых пансионатах и санаториях (последние только для уголовничков-иностранцев!). Ведь теперь денег в государстве – аж ими обкушались, даже и из ушей лезет! За один только металлолом долларов, евро и юаней получаем немеряно! Потому и поделиться своими финансами нам не жалко с кем угодно. Пусть лимитрофные шавки обгавкивают и обрибентропливают Россию в Совете Европы вдоль и поперек! А мы им в ответ – по двадцать миллионов евро членских взносов в год в эту организацию! Вот какие мы богатые, гордые и щедрые! И спорят между собой разные эксперты. Одни говорят, что за время благотельных реформ из России за бугор вывезено два триллиона долларов. Другие им возражают: не два триллиона вывезли, а целых три! Но это как вопрос о жизни на Марсе: есть ли жизнь на Марсе или нет ее – науке неизвестно. А сколько переведено российских денежек в иностранные банки, известно только компетентным органам. Но они на то и компетентные, чтобы зря языками не болтать! И законы, эти денежные гольфстримы санкционирующие, вовсе не полоумные, а глубоко продуманные! Большого ума специалисты их писали! Потому как не будь этих законодательных установлений, на какие шиши жили бы за границей беглые олигархи? Будь гол как сокол тот ВВП-беглец, которого обвиняют в смертоубийствах, в каких заграничах его бы приняли? Разве что в Земле обетованной. Да и то под большим вопросом! А с парой миллиардов в швейцарских банках для него любая земля – обетованная! Предусмотрительные законодатели помнят: в России от суммы да от тюрьмы никто не зарекается! Может, когда и самим придется отправляться вослед ВВП-беглецам. Так что финансовая подушка безопасности в забугорном банке никому не повредит! А вы говорите – «полоумный закон», продолжал мысленно спорить с пенсионерками Глеб. Кто так думает, тот сам полоумный! И правоохранительные органы вы обвиняете в слепоглухоте несправедливо! Ведь в начале благотельных реформ ясно и на официальном уровне было сказано: нечего заглядывать в чужие карманы!

Это неприлично! А обладателей туго набитых карманов опять же на официальном уровне успокоили: если какой балбес-правоохранитель спросит, откуда, мол, взял деньги, смело отвечайте: из тумбочки! И пусть этот не в меру любопытный субъект правоохраны отваливает от вас, пока цел. Ведь всему миру известно, что первоначальное накопление осуществляется известно каким неизвестным способом. Потому и с сомалийскими пиратами обращаются так бережно и нежно. Развивающиеся сомалийцы желают поскорей приобщиться к западной цивилизации – первоначальники! Не надо им мешать в этом благом деле. По поводу же немоты, которая дополняет у правоохранителей слепоглухоту, не нами сказано: спорить с начальством – все равно что писать в его сторону против ветра. Начальству-то ничего, а сам останешься...

Окончательно закончить виртуальный спор с некомпетентными пенсионерками Глеб не успел, так как уже выехал на противоположную окраину Разнесенска. Но, честно говоря, в глубине души он даже порадовался, что не затеял с ними спор всамделишный. Пожилые дамы по сорок лет проработали на ныне обанкроченном текстильном комбинате, а там в цехах от ткацких станков стоял всегда такой шум и грохот, что саму себя не услышишь! Но женщины всегда остаются женщинами. Чтобы поговорить с соседками по ткацким линиям, ветеранки текстильной промышленности научились так орать, что спорить с ними вслух не имело никакого смысла.

Глеб припарковался в конце улочки, у домов – побратимов федотовско-кобыартюнянского домостроения, потому что вдали, за леском, увидел искомые розовокирпичные стены, окружавшие просторные владения обладателей двух- и трехэтажных особняков. Получить какие-то сведения об этих счастливицах, по рассуждению Глеба, можно было от их ближайших соседей. И Панов пошел вдоль по улочке в поисках вездесущих пенсионерок. Но тут ему повезло даже больше: на лавочке сидел одинокий ветеран, по-видимому, сделавший перерыв в ремонте своего штaketника, так как возле него лежал молоток, гвозди и несколько новых штaketин, которые мастеровитый хозяин приспособлял на место обветшавших.

– Бог в помощь! – вежливо поздоровался Глеб и, чтобы завязать разговор, похвалил яркие весенние цветы, украшавшие садик работающего пенсионера, а заодно пожаловался на жаркую погоду: дескать, устал, идучи по такой жаре...

– Так присаживайтесь на лавочку, отдохните, – гостеприимно пригласил любезный цветовод.

Глеб поблагодарил и от предложения не отказался, при этом отметил, что лицо собеседника ему явно знакомо. Ну конечно, это мой давешний попутчик в электричке, вспомнил Панов, тот самый ветеран, что получил шишку на голове после посещения несанкционированного митинга. Пожилой диссидент пригляделся к Глебу и, похоже, тоже его вспомнил.

– Что, и наши края решили посетить? – поинтересовался он у бывшего попутчика. – Вы давеча вроде в Малинской выходили? Отдыхаете? Любуетесь подмосковной природой?

– Увы, не до отдыха, всё дела да дела, – вздохнул Глеб и посочувствовал любознательному хозяину, заметив под глазом неумного ветерана свежий синяк: – А вы никак опять какое-нибудь общественное мероприятие посетили?

– Ездил на Марш несогласных, – подтвердил его предположение бравый пенсионер.

– Что?! – изумился Глеб. – Вы, оказывается, либерал? А я тогда, в электричке, подумал, что вы придерживаетесь левых взглядов: не очень-то вами приветствовалась рекламная кампания нашего попутчика-риелтора.

– Я бы этих риелторов и либералов вымел из России одной поганой метлой! – возразил участник запрещенного марша.

– Чего же вас понесло к Несогласным? – еще больше изумился Глеб. – Ведь там собираются как раз сторонники либерализма.

– Вот тут вы ошибаетесь! – укорил его пенсионер. – Разве лимоновцы либералы? Это нормальные русские ребята, только вот их-то и понесло не в ту сторону. Я им так и сказал: «Парни, с кем вы связались?! Бегите от этих либералов прочь, как от чумы!»

– Ну и что лимоновцы вам ответили?

– Да они ребята молодые, горячие, я на них не обижаюсь, – уклонился от прямого ответа пострадавший ветеран.

– Так это лимоновцы поставили вам синяк?

– Ну что вы! Я же вам говорю, лимоновцы – прекрасные, честные молодые люди, настоящие патриоты России! Только союзников выбрали себе дрянных! А синяк мне поставили полицейские. Вот уж эти точно из антинародной организации! Они еще хуже либералов!

Всякого уже наслушался Панов о своей конторе, поэтому по возможности не афишировал свою к ней принадлежность, но что полиция – антинародная организация, такое услышал впервые и не смог сдержаться:

– Какая же полиция – антинародная организация?! Вы что говорите, уважаемый, опомнитесь! Кто вас защищает от уголовников, если не полиция?! Ведь что ни день – убийства, грабежи, воровство, мошенничество! Оперработники с ног сбиваются, а вы вместо благодарности их так честите?! Да и общественный порядок кто будет поддерживать?

– Я раньше, при Советах, был дружинником, наводил порядок на улицах вместе с милиционерами. Так то была другая милиция! Разве у них были резиновые дубинки? Никогда! Это же позорище – лупить дубинками собственных граждан. Поэтому с теперешней, хоть и полицией, я ничего общего не имею и иметь не хочу. И антинародной назвал эту силовую шарагу по делам ее! И все так считают, с кем я только ни говорил! Вы первый, который таких держиморд защищает. Это очень странно. Вы сами-то, случаем, не полицейский?

Глеб смешался. Был большой соблазн увильнуть от прямого ответа, но пронизательный взор ветерана ему подсказывал, что любимца полицейских дубинок не проведешь.

– Да, я сотрудник полиции, – вынужден был он признаться, скрепя сердце. – Но сюда меня прислали вовсе не для того, чтобы отлупить вас дубинкой! У меня другое оружие, – и Глеб, приподняв полу ветровки, показал кобуру под мышкой. – А резинового «демократизатора» я вообще никогда в руках не держал, не то чтобы его применять! Уголовный розыск занимается совсем другими делами, – и Глеб показал ветерану свое удостоверение. – Вот, читайте: «Уголовный розыск, капитан Панов». И я не гоняюсь с дубинкой за вашими любимыми нацболами-лимоновцами, а расследую уголовное преступление, причем самое тяжкое – убийство! Разве вы как сознательный активный гражданин, – Глеб глазами указал на все еще заметную шишку на голове активиста, а пальцем – на синяк под его глазом, – не должны оказать мне посильную помощь в поисках убийцы?! Убили молодого, полного сил юношу, которому бы еще жить да жить! Но большего я вам, к сожалению, сказать не могу, чтобы не нарушить тайну следствия...

Распространяться подробнее Глеб не стал не столько из-за тайны следствия, сколько из боязни, что, узнав, чьим сыном был убиенный Никита, активный и сознательный гражданин вместо помощи в расследовании вдруг заорет: «Жаль, что вместо сынка не пристрелили его папашу-олигарха!» – и пошлет расследователя куда подальше! Предусмотрительность Панова себя оправдала: ветеран пошел на попятную и признал, что погорячился, его неприязненные слова не относятся ко всей полиции в целом, а уж к Уголовному розыску тем более. Он не любит только тех полицейских, которые дерутся резиновыми дубинками, а оперработникам Угрозыска готов оказать всяческое содействие в расследовании злодейского убийства. Обрадованный Глеб подробно расспросил оказавшегося весьма осведомленным ветерана об обитателях особняка за розовокирпичным забором, нахально оттяпавших под свой участок часть пригородной рощи, и об их состоятельных соседях, удовольствовавшихся бывшей совхозной пашней. Только черт дернул Глеба за язык вслух пожалеть эту уполовиненную рощу! Просто

не смог удержаться. Уж больно красивы были столетние сосны и могучие березы, временно устоявшие под натиском рыночной демократии. Их величественные зеленые кроны печально шелестели о горькой участи сгинувших на финских лесопилках сестер и зывали о защите от будущих эффективных собственников особняков к тем, кто в свои детские годы играл в их прохладной тени в салочки и прятки, в юные – амурничал с синеглазыми и кареглазыми певуньями и пил березовый сок, а в зрелые и пожилые – собирал щедрые ягодно-грибные дары природы. Но увы, как всюду и везде по бескрайней России, мольбы эти оказывались тщетными и оставались не слышимыми миру стенаниями, потому что синеглазые и кареглазые певуны и их кавалеры страдали наследственной глухотой. Так, по крайней мере, считал разочарованный ветеран, которому все же еще не стали чужды упования прежних лет, когда он с немногими соратниками пытался остановить психическую атаку дворцов на хижины, рощи, леса и поля.

– Ездили мы, человек десять разнесенских работяг, в начале девяностых на митинги в Москву, – предался бравый ветеран пассионарным воспоминаниям. – Стоим как-то рядом с ампиловцами под красными знаменами у Кремля, на Васильевском спуске. А на противоположной стороне площади, за полицейской цепью, толпятся демократы с триколорами, мы им кричим: «Спекулянты! Жулики! Сникерсы!» И они нас поливают: «Совки! Коммуняки! Красно-коричневые!» И один ампиловец, молодой парень, повернулся ко мне, вздохнул этак горько и говорит: «Смотри, нас, левых, здесь не больше тысячи человек. Да и откуда народу набраться? Из всего нашего цеха на митинги и демонстрации только я один и хожу. А все работяги надо мной смеются: мол, кончай, Степка, ерундой заниматься! Лучше пойдем с нами пивка выпьем после работы... – опять вздохнул, покачал головой и указал рукой на противоположную сторону площади: – Нас едва тысяча наберется, но ведь этих “сникерсов” еще меньше! А ведь они ребята пронырливые, неглупые, должны понимать: если мы победим – дальше воровать им не позволим! Работать придется, как всем. А наворованное заставим вернуть обратно государству. Они это прекрасно знают и все равно сидят дома, лень на улицу выйти. Даже поорать за собственные шкурные интересы никак не раскачаются!» Обменялись мы с этим Степаном своими печальными размышлениями, повздыхали, а там видим – идут колонной казаки, и не поймешь, к кому они хотят присоединиться: то ли к дерьмократам, то ли к нам. А их колонна остановилась в стороне – и ни туда и ни сюда. Я к ним подошел и спрашиваю: «Казаки, вы с кем, со “сникерсами” или с нами?» А мне из колонны отвечают: «Мы за свою землю боремся. А вы за свои фабрики и заводы сами боритесь». Так-то... Одни ходили сами по себе, другие дули пиво и чего покрепче да смотрели по телевизору футбол, пока дерьмократы лезли на наши шеи. Вот и влезли. Сели и ноги свесили. А завод наш все хирел и хирел. Началось сокращение персонала. Мужики из цеха обращались ко мне по старой памяти как к многолетнему члену профкома, хоть профсоюз наш уже развалился: «Палыч, попроси директора, чтобы меня не увольняли. Жена больная, дети малые...» Ходил, просил. Директор меня понимал, просьбы по мере возможности уваживал. Но все равно – работало на заводе пять тысяч человек, а к тысяча девятьсот девяносто шестому году осталось человек двести. А тут как раз президентские выборы. Ну, думаю, уж теперь-то алкодирижер эти выборы продует вчистую. Иду на следующий день с работы, смотрю, наши работяги в скверике сидят: «Палыч, друг дорогой, садись с нами, выпьем по маленькой, запьем пивком, отметим прошедшие выборы». Меня уважают, и я к людям с уважением. Присел с ними, не отказался от маленькой и стаканчик пивка взял, чтобы запить. А по ходу беседы спрашиваю: «Мужики, вы за кого голосовали?» У них рожи расплылись от удовольствия, так и сияют – беленькая и пивко их изнутри румянцем раскрашивают. «Конечно, – отвечают, – за Ельцина голосовали. За кого же еще?» Тут я выплюнул их пиво, хотел было два пальца засунуть в рот, чтобы и водку их иудину вытошнить, но потом передумал и только им и сказал: «Ко мне больше не подходите и не обращайтесь. Ни за кого директора просить не буду». Повернулся и ушел... Впрочем, и

просить скоро стало не за кого. Завод обанкротили. Всех уволили, уникальные станки растащили на металлолом. А директор учредил фирму по торговле цветным металлом.

Ветеран труда Палыч закончил свое печальное повествование, в последний раз тяжело вздохнул, подпер рукой щеку и застыл в скорбной позе – хоть картину с него пиши: «На руинах родного завода».

Чтобы отвлечь печальника промышленной собственности общенародной от горестных размышлений, Глеб задал ему необязательный вопрос:

– А как называется фирма, которую учредил ваш директор?

– ООО «Цветметаллэкспорт», – пояснил Палыч.

– И у него, конечно, тоже здесь особняк?

– Разумеется. Вон там, за железным забором, – Палыч указал рукой в конец бывшего совхозного поля.

– А я думал, что ваш бывший директор построился за кирпичным забором, на месте вырубленной рощи.

– Нет, пригородная роща была ему не по карману. Там особняк более богатого и авторитетного бизнесмена Табунова. Только наши местные братки называют его не по имени-отчеству-фамилии, а просто ДДТ. Это у Табунова кличка такая, точнее, кликуха. И кликуха очень точная. Он как запрещенный ядовитый порошок с тем же названием: от соприкосновения с ним все живое тоже либо дохнет, либо мутирует в криминальные формы.

– Что, Табунов – бывший уголовник?

– А вы не знаете, что есть профессии, где бывших не бывает? – с ехидной усмешкой переспросил Палыч. – Табунов не бывший, а потомственный уголовник. И прадед, и дед, и отец его сидели. И он пошел по их дорожке еще с малолетки. А в девяностых стал главарем разнесенской ОПГ. Рэкетировали, грабили, похищали, пытали, убивали, подгребали весь бизнес под себя – наворовали громаднейшие деньги. Да что я вам рассказываю?! По всей стране творилось то же самое. Потом всю банду арестовали. Следователи все их преступления размотали, только в каких иностранных банках спрятаны наворованные капиталы, так узнать и не удалось. Когда ДДТ вышел на волю, он часть денежек из заграничной кубышки вынул и построил себе особняк.

– Ну вот, а вы возводите на полицейских напраслину, будто они избивают граждан. Неужели вы считаете, что если бы к ДДТ и его подельникам применялись запрещенные законом методы следствия, они не выложили бы все наворованное до последнего доллара?

– Может, следователи не стали нарушать закон, потому что ДДТ с ними поделился наворованным, – упорствовал Палыч. – Или с кем повыше, и следователям запретили нарушать закон. А вообще-то я и не говорил, что полицейские избивают бандитов. Бандиты на митинги, демонстрации и пикеты не ходят и улицы не перекрывают.

Ну вот как с таким, с одной стороны, сознательным и активным, а с другой стороны – несознательным гражданином разговаривать? Глеб мысленно махнул рукой на баранье упрямство собеседника и решил не тратить время на споры, а лучше получить с него еще информации клоч.

– А этот ДДТ наркотиками не занимается?

– Про ДДТ ничего не знаю, а вот Додик, его то ли сын, то ли родственник, наркотиками точно торгует. К нему наркоманы приезжают со всего района, и из Малинской в том числе, куда вы тогда направлялись. И ведь совсем сопливые мальчишки, а уже подсели на наркотики.

«Ох уж эти трудные подростки! А ведь похищенного Дэна Никандрова, судя по тому, что о нем рассказывали, тоже нельзя назвать очень легким мальчиком, – подумал Глеб. – Если и он баловался наркотиками, у кого-то он их покупал? И на что еще Дэн мог потратить хотя бы ту же украденную у стража ворот Сергея Кузьмича зарплату? Ведь Нелли Григорьевна по первой его просьбе покупала любимому сыночку Денисочке все-все, что он ни пожелает, и в любых

количествах, кроме, разумеется, водки и наркотиков! Если Дэн связался с наркодилерами, вот она, ниточка, за которую стоит потянуть, чтобы выйти на похитителей!»

Глеб вытащил из кармана фотографию Дэна и протянул ее неожиданному информатору:

– Вы среди покупателей наркотиков такого подростка не заметили? Он как раз из Малинской.

Палыч долго рассматривал фотографию, поворачивал ее и так, и этак... Потом вернул ее Глебу:

– Нет, этого мальчика я ни возле Додика, ни вообще никогда не видел. Я ведь почему клиентов Додика запоминаю? Еду из Москвы – они садятся в Малинской или на какой другой станции. Я их еще там, на станции, и потом в электричке хорошо рассмотрю. И потом, когда они шастают возле машины Додика, издали узнаю по одежде. Додик обычно подъезжает в-о-он туда, на пустырь, там и торгует.

С досады, что ниточка оборвалась, Глеб не сдержался:

– Что же вы, видели, как торгуют наркотиками чуть ли не в открытую, и не сообщили в полицию?!

– Да вы что?! – вытаращился на него ветеран и поднял руку, явно намереваясь то ли повертеть пальцем у виска, то ли постучать его костяшкой себе по лбу. – Разве можно торговать наркотиками у всех на виду без ведома полиции?! Не ожидал от вас такого лицемерия! А я-то с вами разоткровенничался!

Смущенно извинившись за проявленную бестактность, Глеб поблагодарил все еще обиженно качающего головой Палыча за помощь следствию и пожелал ему на прощание, чтобы в дальнейшем он получал от своей политически активной деятельности не только синяки и шишки, но в связи с продолжающимся ростом цены на нефть социально озабоченное государство дарило ему еще и пироги и пышки.

Глава 2

Расставшись с Палычем, Глеб поехал на городской рынок, где по приметам, указанным кумушками на лавке и Анютой, быстро отыскал киоск, принадлежавший бизнес-леди Подосинкиной-Артюнянц. За обширным прилавком, заваленным привлекательным импортным ширпотребом, на фоне интерьера из заморско-черкизонских платьев, блузок, кофт и прочего в том же роде, стояла полноватая, но еще миловидная дама лет за сорок, крашенная в брюнетку. Однако предательские светлые пряди в ее прическе, уже частично утратившие благородный вороной цвет, выдавали ее изначальную русоголовость. В глубине магазинчика копошился, разбирая какие-то тюки и коробки, худощавый лысоватый мужчина в очках с интеллигентным выражением лица. По-видимому, это и был ее супруг, бывший инженер – замначсеха обанкротившегося текстильного комбината Федотов, теперь служащий у жены на посылках и подхвате.

– Госпожа Подосинкина? – вежливо осведомился Глеб и предъявил свое удостоверение. Бизнесвуменши – народ ушлый, в семи водах разными мылами тертый, их никакими ухищрениями не проведешь, так что лучше сразу действовать напрямую и с прозрачным намеком на стоящие за визитером силовые структуры, способные причинить большие неприятности.

– Извините, – возразила русобрюнетка, – я не Подосинкина, а Артюнянц Ирина Степановна. Надеюсь, что фамилия Артюнянц вам кое о чем говорит?

– Ну разумеется! – уважительно согласился Глеб. – Но неужели вы имеете какое-то отношение к самому... – и Панов поднял глаза на проплывающее высоко-высоко в небесах кучерявое облако.

– Что значит «какое-то отношение»? – обиделась бизнес-леди, – Я родственница господина Артюнянца, Юрия Борисовича, видного бизнесмена, общественного и государственного деятеля и щедрого благотворителя.

Глеб заметил, что стоявшая за соседним прилавком продавщица при этих словах высокомерной соседки ехидно усмехнулась и покрутила пальцем у виска. Понятно, почему начальник ГОВД до сих пор не в курсе, что в его городе живет родственница Артюнянца, понял Глеб. Просто в это родство никто не верит, все считают заявления Дуниной мамы пустым хвастовством и фанфаронством.

– Но я, собственно, не к вам, – продолжал со всей возможной почтительностью Глеб. – Хотелось бы увидеть вашу дочь Дуню. Заезжал к вам домой, но ее там не застал. Где она? Вы, наверное, знаете, что убит ее знакомый – Никита Никандров. Проводится расследование дерзкого преступления, и мне необходимо выяснить у Дуни кое-какие обстоятельства этого дела.

– Да-да, Дуня мне рассказывала. Какой ужас! Никита был прекрасный, щедрый молодой человек. Дуня была с ним в самых теплых дружеских отношениях, и он даже подарил ей машину, «тойоту». Новую, не поддержанную! Кстати, Дуня на ней и поехала к какой-то, я толком не знаю к какой, подружке, похвастаться подарком. Я ей сейчас позвоню и скажу, что вы ее ищите! – бизнес-брюнетка достала мобильник и попыталась дозвониться до дочки. Увы, тщетно. – К сожалению, ее мобильник выключен. Сколько раз я ее просила так не делать. Но ведь вы, молодые, живете своим умом, вам советы старших надоедают. Впрочем, я могу вам сама вместо дочки все рассказать. То есть передать, что Дуня мне рассказывала. Она об обстоятельствах убийства Никиты ничего не знает. Для нее сообщение о его смерти прозвучало как гром среди ясного неба. Собирались вместе поехать на конную прогулку, но Никита почему-то передумал. Дуня не захотела ездить по лесу одна и вернулась обратно в поместье нашего родственника Артюнянца. Вот и все, что она знает. Поверьте, она и сама большего вам не сможет рассказать.

– И все-таки я бы хотел поговорить лично с Дуней. Когда она вернется от подружки?

– Обещала вернуться к вечеру. Но нынешняя молодежь по себе знаете, какая. У нее семь пятниц на неделе!

После такого обнадеживающего ответа Глебу оставалось только записать номер Дуниного телефона и несколько раз ей безрезультатно позвонить. А в перерывах между звонками он успел еще побеседовать и с Дуниным папой, но преимущественно на семейно-житейские темы. Сидели они в глубине киоска, на ящиках, а более красноречивая, чем ее муж, бизнесвумен дополняла его скупые слова развернутым комментарием.

В целом, картина жизни семейства Подосинкиных-Артюнянц-Федотовых, по свидетельствам всех заинтересованных, интересующихся и просто соседствующих лиц, выглядела примерно так. Жила-была в районном городе Разнесенске чета Федотовых, как в сказке. Старик (не по возрасту, а по семейному статусу) прял свою пряжу на текстильном комбинате, а старуха – в смысле цветущая женщина, выглядевшая гораздо моложе своего возраста, – ловила неводом рыбу. Ну не совсем неводом, а сачком. Ирина Степановна трудилась продавщицей в магазине «Мясо-рыба-овощи», куда частенько завозили живых карпов. Чтобы не отстать от мужа-инженера, госпожа Федотова (в девичестве Подосинкина) поступила в заочный техникум бывшей советской торговли, но по семейным обстоятельствам никак не могла его закончить. Не родилось у них сыночка, зато Господь подарил им двух лапочек-дочек. Старшая лапочка, Лиза, особыми успехами в школе не блистала, поэтому закончила девять классов и ПТУ, обозванное для благозвучности колледжем, но по родительским стопам не пошла, а устроилась на работу в град-столицу. Знать, столица та была недалеко от бывшего села Разнесенского: всего часа полтора езды на электричке в один конец. Родители уговаривали Лизу не губить свою молодость, угрожая больше трех часов только на дорогу ежедневно, но Лиза туго знала свое дело: ездила-ездила и выехала наконец себе мужа-москвича, а там и перебралась на ПМЖ к мужу в мегаполис. Работали они с мужем на одном предприятии, злата-серебра не накопили, зато двух сыночков родили. Когда Лиза приезжала со своим сопливо-шаловливым выводком в гости к родителям, то разговоры уже вела на темы не сказочные, но близкие по тематике русской классической поэзии злато-серебряных веков: «Будет пить тебя (в смысле – пить женину кровь) муж-привередник и свекровь гундеть». И еще слава богу, что более зажигательные жидкости, чем женина кровь, Лизин муж употреблял только с устатку, по выходным и праздникам. Эти и еще более неположительные примеры производили большое впечатление на впечатлительную душу младшей лапочки – Дуни.

В отличие от сестры, которая была не то что чересчур страшна, но и красавицей ее тоже не называли, Дуня и внешне выделялась на девичьем фоне лица приятным выраженьем, да и мозги у нее варили получше, чем у сестрицы. Если Лиза в школе ковыляла с тройки на двойку, то Дуня мало того что считалась чуть ли не отличницей, но к тому же участвовала в школьной художественной самодеятельности, а о ее спортивных успехах уже упоминалось. Первые Дунины самостоятельные хождения под стол пешком хронологически совпадали с победным маршем благотельных реформ по экспериментальному постсоветскому пространству, а робкое начало ее девичьего цветения озарилось расцветом рыночной демократии, согрелось заботами клинического либерализма, а также лелеялось, охранялось и защищалось патологической гуманизацией уже не только постсоветского, но и, в натуре, криминального пространства. И увы, к восьмому классу от всех Дуниных школьных успехов, кроме спортивных, остались только ностальгические воспоминания. А на семейный клан Прасоловых (такой стала Лизина фамилия) – Федотовых обрушились один за другим три финансово-житейских дефолта. Лиза с супругом трудились на заводе, славившемся и блиставшим на всю страну своим гордым званием «завод заводов». Но его постигла та же участь, что и текстильный комбинат, где инженерил господин Федотов. Славиться и гордиться комбинату стало нечем, а блистал он только выбитыми окнами своих цехов. Супруги Прасоловы дефолт преодолели и нашли применение своей высокой технической квалификации. Сам Прасолов устроился охранником в офис ком-

пании «Трайдинг-консалтинг», Лиза определилась туда же уборщицей. К сожалению, совокупный доход супругов не мог полностью удовлетворять возросшие потребности подросших Прасоловых-младших. О потребностях старшего поколения речь уже вообще не шла. И теперь, когда Лиза навещала родительский дом со своим сопливо-шкодливым потомством, обсуждалась только одна тема: где деньги достать? Источник дополнительного финансирования был давно известен, но он оскудел ровно на половину. Господин Федотов после банкротства текстильного комбината оказался безработным, устроиться грузчиком в магазин, как предлагала супруга, ему мешал итээровский гонор, и бремя содержания семьи целиком легло на плечи Ирины Степановны Подосинкиной-Федотовой.

Вообще-то Ирина Степановна была хорошей добытчицей, и ее вклад в общий семейный бюджет уж во всяком случае не уступал мужнину в годы его итээрствования. Примерная жена и в области образования уже не отставала от мужа. Она наконец закончила без отрыва от прилавка свое заочное учебное заведение, обруганное колледжем, и могла бы претендовать на почетное и более выгодное место бухгалтера, а то и товароведа в родной торговой точке. Но благотельные реформы добрались и до нее. Магазин «Мясо-рыба-овощи» приватизировал некий неизвестно откуда взявшийся господин и тут же провел собственную реформу под лозунгом «Совковому иждивенчеству – бой!». То есть хватит надеяться на доброго дядю в лице государства или кого другого: хочешь кушать – умеи вертеться сам! Зарплата продавцам была сведена до минимума, зато им же предоставлялась полная свобода рук и изобретательства в отношениях с покупателями. Это было бы неплохо, но Уголовный кодекс никто не отменял, хотя и не применял. Однако где гарантия, что какому-нибудь чину по неизвестной причине не придет в голову бредовая мысль этот Кодекс применить, допустим, чтобы выслужиться или по чьей-нибудь просьбе? Ирина Степановна вовсе не желала попасть под раздачу. К тому же вконец оборзевший новый хозяин вместе с финансовым ввел для продавщиц и натуральный оброк с оплатой любовью. Ирина Степановна была женщиной не первой молодости, но приятной сексуальной наружности. Хозяин не обошел вниманием и ее. Это, с одной стороны, льстило, так как были продавщицы чуть ли не вдвое моложе Ирины и тоже не уродины, но с другой – задевало самолюбие. Где обязательные в таком случае ухаживания, допустим, букет цветов с любезным комплиментом или флакон французских духов? А это что такое – на скорую руку в подсобке на картонных ящиках?! Ирина Степановна напомнила хозяину о хороших манерах, как того требовало ее старорежимное воспитание. Но тот, вместо того чтобы извиниться, измениться и в дальнейшем соответствовать образу изысканного торгового кабадьера прежних совковых времен, хамски проехался по поводу ее старорежимного воспитания с прозрачным намеком на послебалзаковский возраст. Это оскорбление послужило последней каплей – Ирина Степановна в присутствии молодых товаров, «почитавших за счастье», высказала все, что думала об этом старом козле, – и хлопнула дверью. Грянул тотальный семейный дефолт. Лиза, прибывшая за очередным траншем, напрасно жаловалась на мужа, злоупотреблявшего коктейлем из жениной крови и горячительных напитков в ущерб материальному благополучию семейства Прасоловых. «Бэнк оф Федотовы» лопнул и обанкротился, финансовый родник иссяк. И Лизе удалось лишь выпросить в долг без отдачи довольно скромную сумму у своей младшей сестрицы. Дуня сэкономила на школьных завтраках и обедах и скопила приличную денежку на новые туфли. Лиза пообещала вернуть весь заем с процентами, то есть к новым туфлям прибавить еще и зимние сапоги, почти не ношенные. Увы, доверчивая Дуня так никогда и не увидела ни тех, ни других. Но бухгалтерско-товароведческие знания, полученные Ириной Степановной в заочном учебном заведении, не пропали даром и стали спасением для всей семьи.

Ирина Степановна была женщиной здравомыслящей, поэтому ни на какие субсидии от высокопоставленных государственных чинов не рассчитывала, и благоразумной – в банковскую кабалу не полезла. По примеру ненавидимой всеми демократическими СМИ уже упо-

минавшейся изгойной страны Чечухии она решила опереться не на заемные костыли, а на собственные ноги, в смысле силы, и мобилизовала внутренние семейные резервы. Самое любимое после лапочек детище господина Федотова – второй молодости, но еще словно новенькие «жигули», отлакированные и блестящие, как поп-звезда после косметической подтяжки, – было продано под горестные стоны их безутешного владельца. С полученным начальным, а затем и с приобретенным капиталом супруги отправлялись по следам варягов в греки, турки и прочие развивающиеся народности и возвращались в родные края, нагруженные, как двухгорбый верблюд, заморскими товарами. Вообще-то, если бы не потребность в тягловой силе, Ирина Степановна в этих хождениях за три моря с удовольствием обошлась бы без сопровождения мужа, потому что господин Федотов хоть кровь жены по примеру зятя Прасолова и не пил, зато нервы ей портил изрядно. Каждый раз, протащив через таможенный контроль в аэропорту огромный баул, он непременно мрачно констатировал:

– Вот и еще один наш скромный вклад в развал отечественной легкой промышленности.

Ирина Степановна молча бросала на мужа уничтожающий взгляд, а уж потом, без свидетелей, костерила супруга вслух:

– Ты посмотри, что там, наверху, творят – воше всю страну развалили! А от нас какой вред?! Мизерный! Нечего о высоких материях рассуждать! Вот и по телевизору говорили: кто политикой интересуется – тот дурак! Нужно о своей семье заботиться, а о политике в отношении отечественной промышленности пусть депутаты думают!

Но кроме этих небольших размолвок, в остальном дела шли неплохо. Семейный бизнес Федотовых процветал, точнее, процветал бизнес Ирины Степановны, а господин Федотов служил у супруги на посылках и подхвате. Со временем удалось даже приобрести на рынке киоск, с крышей! В России торговать или вообще что-то делать без крыши никак нельзя! Климат у нас такой, суровый... Это вам не теплые Эмираты! И у федотовского киоска крыша была хорошая, надежная, с полицейскими погонями! И за умеренной лептой приходил такой интересный и любезный мужчина... Он всегда, особенно в отсутствие господина Федотова, отпускал Ирочке (никаких «Степановн»!) столь изысканные комплименты, что в голову невольно закрадывались мысли о возможности неформальной встречи с кавалерственным куратором от крыши. Да дела и заботы все никак не позволяли Ирине Степановне расслабиться. А в самом скором времени подтвердилось, что денежку любезный полицейский получал не зря. Даже сам Федотов после этого происшествия перестал ворчать по поводу незаконных полицейских поборов. То есть однажды вышли два жулика из тумана, вынули ножики из кармана и пригрозили, что будут резать, будут бить, если хозяева не станут им платить. Пока нежданные визитеры, дыша перегаром и туманами, тыкали растопыренными пятернями с синими наколками на пальцах в глаза господину Федотову, супруге удалось ускользнуть в подсобку и оттуда позвонить куратору. Буквально через три минуты примчалась патрульная полицейская машина, голубчиков забрали, и на рынке они больше не появлялись. Правда, вскоре Ирина Степановна увидела их на улице, но никаких наколок разглядеть не смогла, так как оба гражданина были синими от кончиков пальцев до макушек.

В общем, жизнь семейства Федотовых-Прасоловых налаживалась. Лизе поступали все более щедрые финансовые транши. Дуня получила новые туфли и зимние сапоги, и не поношенные, а тоже новехонькие. А еще Дуня сообщила маме, что у нее есть мечта: в магазине «Меха» висит чудесная шубка из голубоватого песцового меха, и появившись она в такой в школе, все подружки позеленеют от зависти, как огурцы на грядках. И Ирина Степановна твердо пообещала младшей лапочке, что в самом ближайшем будущем она эту свою голубовато-зеленую мечту осуществит. Увы, воплотить в жизнь агрогламурную задумку Дуне не удалось: на Федотовых, как гром среди ясного неба, обрушился новый дефолт. Снова вышли два жулика из тумана, но не прежние, тотально посиневшие, а другие. Впрочем, от предыдущих они отличались только золотыми цепями на шеях, а рожи у них были, может, еще и поотвратнее. Дыша

опять же перегаром и туманами, посетители высказались в том смысле, что, мол, отныне мы ваши господа, а вы наши холопы, и заломили такую несусветную сумму оброка, что небо показалось Ирине Степановне в овчинку! Но она быстро оправилась, привычно ускользнула в подсобку и позвонила куратору крыши. Но в ответ услышала строгую отповедь:

– Вы, гражданка, видимо, ошиблись номером. Полиция не какая-то там коррумпированная организация и в споры хозяйствующих субъектов не вмешивается!

Госпожа Федотова обомлела: она вспомнила, что куратор не приходил за очередной лептой. Такое и раньше изредка, но случалось. Может, человек был занят по службе, а то и приболел. Тогда Ирина Степановна относил лепту в конверте самому начальнику. А в этот раз не отнесла: замоталась, а если честно сказать – надеялась на появление кавалерственного поклонника. Не мешкая ни минуты, госпожа Федотова быстро положила оговоренную сумму отчислений в конверт, добавила пени за просрочку платежа и побежала в полицию. Там она проскочила мимо секретарши прямехонько в кабинет самого, положила конверт на стол и легонько так, интеллигентно, двумя пальчиками пододвинула оконверченную мзду пред светлые очи начальства. И вдруг полковник, обычно такой любезный, как кулаками застучит на нее, как глазищи выпучит на нее, как фальцетом завизжит на нее:

– Это что?! Взятка должностному лицу при исполнении?! Да я вас сейчас в КПЗ!

Ирина Степановна остолбенела, оцепенела, помертвела, не помнила, как ноги сами вынесли ее на улицу. Но через несколько дней к ней с неофициальным визитом зашел кавалерственный, к сожалению, уже экс-куратор. Он принес извинения от имени своего начальника. Тот просил передать, что произошло недоразумение и он по-прежнему считает Ирину Степановну дамой, приятной во всех отношениях.

– Господин полковник посчитал ваш визит провокацией Службы собственной безопасности, потому и нагрубил, – пояснил экс-куратор. – А вообще-то у нас у всех нервы были на пределе, тут немудрено сорваться, – и любезный знакомый объяснил Ирине Степановне суть возникшей проблемы: – Раньше ваш киоск, как и многое другое в Разнесенске, крышевала табуновская ОПГ. Потом и самого Табунова, и его братанов посадили. Но теперь они освободились условно-досрочно, вернулись на свободу и в Разнесенск с чистой совестью, а их места уже заняты. Ну они пацаны конкретные, с несправедливостью мириться не согласились. Назревала криминальная война муниципального масштаба. Тогда из Москвы пригласили авторитетного человека. Авторитет забил конфликтующим сторонам стрелку, там всё со всеми по понятиям обсудил, всех по справедливости рассудил, территорию Разнесенска на зоны влияния разделил и между соперниками в натуре распределил. Поэтому никакой криминальной войны в Разнесенске не будет. Ума палата у этого авторитета: настоящий генерал, да что генерал, министр, чисто министр! – не мог сдержатъ своего восторга экс-куратор. – К сожалению, – продолжил он уже в минорном тоне, – ваш киоск отошел под патронат табуновской ОПГ, поэтому наше во всех отношениях приятное сотрудничество завершено и вам придется находить общий язык с представителями господина Табунова.

– Но они же заламывают непомерные суммы отчислений! – в ужасе воскликнула госпожа Федотова.

– А как вы хотите? Люди провели несколько лет в колонии строгого режима. Там выкли к обеспеченной, культурной жизни – с библиотекой, кабинетами психологической адаптации, зимним садом и прочими благами цивилизации – и все за государственный счет. На воле они желают получать то же... Желаете? Получите! Но теперь уже, извините, за денежки... А где деньги взять? Вот так-то! Ничего не поделаешь. Тяжело? Всем тяжело! – и любезный экс-куратор распрощался с Ириной Степановной, на прощанье еще раз пожелав ей терпения, благоразумия и толерантности в отношениях с табуновскими братками.

Сколько нервных клеток стоили эти толерантные отношения Ирине Степановне! Какими непотребными эпитетами осыпал господин Федотов ни в чем не повинные ветви рос-

сийской власти! Сколько жалоб на господина Прасолова, его зловредную мамашу и стенаний по поводу материальных затруднений наслушались родители от Лизы! Какие водопады слез пролила Дуня, тщетно выклянчивая у мамы денежку на покупку полюбившейся ей шубки! Но все на свете по-настоящему познается лишь в сравнении. Только потом супруги Федотовы поняли, что тогда их постиг не дефолт, а дефолтишко. Настоящий дефолт ждал их впереди!

Однажды за очередной мздой уже знакомые бандюганы с золотыми цепями на шеях пришли в сопровождении еще одного похожего и не похожего на них добра молодца. Точнее, это они незнакомого добра молодца сопровождали. Похож же он был на своих спутников золотой цепью на шее, а не похож тем, что мерзостью своей рожи настолько превосходил их уже привычный для Федотовых омерзительный внешний вид, что старые знакомцы в сравнении со своим новым сотоварищем казались чуть ли не гениями чистой красоты и воплощением добропорядочности. Какой-нибудь литератор злато-серебряной формации описал бы внешность этого новоявленного монстра примерно так: «Лицо его неизгладимо запечатлело все мыслимые и немыслимые пороки нашего развращенного общества». На беду, за прилавком киоска в это время рядом с Ириной Степановной стояла и Дуня. Она не оставила попыток не мытьем, так катаньем, не слезами, так подлизыванием к маме добыть себе вожаделенную шубку, поэтому всячески демонстрировала свою помощь ей в семейном бизнесе. Незнакомое чудище, не обращая внимания на хозяйку киоска, подошло к Дуне и противным приклатненным голосом сообщило ей, что оно, то есть он – сын господина Табунова, зовут его Додик, и с ходу пригласил явно приглянувшуюся ему девицу распить с ним бутылочку-другую за знакомство и за установление более близких отношений, которые можно начать сегодня же, а то и прямо сейчас. Ирина Степановна, которая в это время, скрепя сердце, выплачивала в подсобке оброчную плату двум гениям чистой красоты, услышала дочкин визг, выскочила из подсобки и увидела, что чудище за руку вытягивает Дуню из-за прилавка, а та вырывается и верещит, как резаная. Госпожа Федотова ухватила Дуню за другую руку, уперлась одной ногой в прилавок и потянула дочку в противоположную сторону, завизжав еще громче похищаемой. Тут пора приостановиться для лирического отступления, ибо только узнав, что было, можно понять, что есть, и предвидеть, чем сердце успокоится.

Додик действительно был как бы сыном Табунова. Будущий Додиков папа отбывал тогда один из своих тогдашних сроков. Чтобы скрасить другу дни тягостной неволи, братаны при-слали к нему на свиданку некую госпожу Б., живущую неподалеку в городе С. Хотя с посторонними женщинами осужденным свидания запрещены, но если очень хочется, то можно. Спустя девять месяцев на свет появился малыш, чисто ангелочек. Его нарекли Дональдом. Но ребенок выглядел таким очаровашкой, что его сразу переименовали в Додика. Так оно дальше и пошло и закрепилось.

Господин Табунов проявил себя, не в пример некоторым, настоящим мужчиной и не уни-зился ни до каких генетических экспертиз, хотя молодая мама Додика была широко известна своим несколько легкомысленным поведением. Узами брака родители Додика так и не были скреплены, но в материальной помощи сыну отец никогда не отказывал. Когда пришло время, мама Додика устроила сынишку в детский садик. Целую неделю воспитательница держала мальчугана за обе руки, но он и тогда успевал поддать ногой близходящим подружкам и дру-зьям. Больше недели персонал детсада и родители других деток не продержались, и Додик вернулся в лоно круглосуточного материнского попечения. Войдя первый раз в первый класс, резвый мальчик продолжал шалить в том же духе, в заключение выбил глаз лучшей отличнице и был переведен на домашнее обучение. Учителя к нему ходили индивидуально и персонально, как к принцу датскому. О последующих семи годах жизни госпожи Б. и ее сына рассказывать не имеет смысла, все равно дети до четырнадцати лет неподсудны, а с госпожи Б. взятки, шед-ротами господина Табунова, всегда оставались гладки. Этот период завершился неприятным инцидентом: Додик зарезал собственного приятеля в подвале своего же дома. За что и получил

прозвище Додик – Острая Бритва. Только после ареста сына госпожа Б. прочухалась и вспомнила, что Додику тринадцать лет уж минуло... Господин Табунов спешно командировал знаменитого адвоката П., но известно, что болезнь всегда легче предупредить, чем потом лечить, и П. смог только гуманизировать Додику условия пребывания в колонии, подключив медицинские, правозащитные и финансовые рычаги влияния. После частичного отбытия наказания Додик вернулся домой, умудренный жизнью и наставлениями адвоката П. Дури, подобной тому, чтобы чуть ли не всенародно в собственном доме кого-нибудь еще зарезать, он больше не допускал. Да и адвокат П. за солидный гонорар бдил и навещал город С. чаще, чем собственную любовницу, своевременно разруливая сложные ситуации. В общем, пока сверстники Додика наслаждались в армии прелестями дедовщины, радостями горячих точек, контрактными удовольствиями и их последствиями, бывший узник бессовестности познавал преимущества вольной жизни, причем настолько интенсивно, что устал даже неутомимый адвокат П. А может, любовница разобиделась на невнимание и предъявила ему претензии. Но П. предупредил Табунова, что если так дальше пойдет, то и он окажется бессилен и Додик опять загремит в колонию. Поскольку Додик заявлял, что он весь в понятиях, поэтому сам черт ему не брат, адвокату П. с санкции господина Табунова пришлось прибегнуть к насилию: два здоровых амбала запихнули Додика в багажник машины, доставили в аэропорт и препроводили в разводящий пары авиалайнер. Додика привезли в Разнесенск, где он наконец-то почувствовал добрую, но тяжелую руку отца, а госпожа Б. была немилосердно оставлена горевать в далеком городе С.

Господин Табунов тут же положил конец сыновнему безделью, которое, как известно, гермафродитная мать всех пороков, и заставил в поте лица своего добывать хлеб насущный. Старшие дети господина Табунова уже проживали за границей вместе с его бывшей законной супругой. Возможно, они, следуя известным рекомендациям, даже учились в Оксфорде. Если бы Додик получал среднее образование не как принц датский, то отец попытался бы его тоже определить в Оксфорд, но тамошняя профессура пока еще не поднялась до высот российского платного высшего образования, так что такая попытка стала бы хоть и не пыткой, но зато пустым номером. Впрочем, Додик и так, без всякого Оксфорда, превратился в полезного члена общества, созданного молодыми реформаторами под художественным руководством не всегда трезвого дирижера. Отец доверил ему руководство определенными участками своего разветвленного бизнеса. На одном из его рабочих мест мы и встретились с Додиком, а потом расстались с ним на время лирического отступления. Тогда Додик тянул верещащую Дуню из-за прилавка в одну сторону, а визжащая госпожа Федотова – в противоположную. Пришло время вновь вернуться к этому эпизоду и к двум окровавленным трупам – госпожи Федотовой и Дуни, а если господина Федотова угораздило в это время появиться в ларьке с жениных посылок, то и к трем. Так могут предположить те, кто ознакомился с лирическими отступлениями и составил свое объективное превратное мнение о беспощадном Додике – Острой Бритве. И как жестоко они ошибутся! Додик не только не зарезал Дуню и ее родительницу, но даже их не порезал. За свое поведение он не извинился, но Дуню отпустил и пояснил, что его не так поняли, никакого злого умысла у него не было, он просто хотел пригласить девушку на прогулку. Засим Додик удалился в прежнем сопровождении, оставив присутствующих и соседствующих с присутствующими в состоянии шока и трепета.

На следующий день он вновь нарисовался возле прилавка и завел разговор о жизни, о времени, о людях и о себе. Беседовать ему пришлось лишь с госпожой Федотовой и господином Федотовым, так как Дуня от вчерашнего шока и трепета еще не оправилась и предпочла грызть в школе гранит науки, с перепугу забыв даже на время о шубке. Вполне объяснимо желание каждого человека выглядеть в глазах других людей хоть немного лучше, чем он есть на самом деле. Так и Додик, рассказывая о себе, умалчивал о своих недостатках, зато собственные достоинства преувеличивал. В результате в рассказах этого взрослого на понятиях молодого чело-

века зарезанный им по малолетке мальчонка трансформировался в трех полицейских чинов, павших от недрогнувшей руки защитника понятий. И никто из Додиковых недругов не избежал его карающей десницы: он поднимался на дно морское, опускался под облака, но в любой точке вселенной находил своего обидчика, и смерть беглеца была ужасной! О своих менее значительных подвигах Додик рассказывал даже с некоторой застенчивостью. Мол, извините, но приходилось заниматься и мелочевкой типа: деньги российские, доллары американские ровными пачками с полок ограбленных банков смотрели на нас... После двух последующих визитов нового знакомого с его задушевыми беседами нервы господина Федотова не выдержали. Уже на рынке после расставания с Додиком он начал тихо съезжать с катушек, а когда они с супругой после трудового дня вернулись домой, съехал с них окончательно и громко. Схватившись за голову, бедняга бегал по комнате и кричал, что весь мир превратился в сумасшедший дом, а граждане вполне обоснованно определены туда пациентами. Ирина Степановна отчасти сумела успокоить мужа, но не надолго.

На следующий день у их ларька опять появился Додик и слегка разнообразил свой репертуар, сообщив, что он резал не только строптивых полицейских, но и старых упрямых коров (при этих словах почему-то пристально посмотрел на госпожу Федотову) и шелудивых бодливых козлов (пронзительный взгляд в сторону господина Федотова). Этих проштрафившихся перед ним рогатопарнокопытных он находил в любой точке мира, опять же, если надо, опускаясь под облака и поднимаясь на дно морское. Завершив этим резюме свою самоаттестацию, Додик еще раз подчеркнул, что он конкретный пацан самых честных понятий, поэтому не собирается свою любимую женщину ставить на очередь или определять в «ночные бабочки, ну кто тут виноват», а чин-чинарем делает ей официальное предложение руки и сердца. Ирина Степановна остолбенела. Конечно, Додик – большой оригинал. Сделать замужней женщине вступить с ним в брак, не стесняясь присутствия ее законного супруга, он вполне способен. Но зачем предварительно обзывать свою избранницу старой королевой?! Только спустя какое-то время корова-невеста сообразила, что Додик собирается вступать в законный брак не с ней, а с ее дочкой.

– Но мы еще маленькие, мы только перешли в восьмой класс, нам еще рано думать о семейной жизни, – только и смогла промумкать обалдевшая госпожа Федотова.

– Дуня не может выйти замуж, она еще ребенок, – проблеял и господин Федотов.

– Этот вопрос перетерт. Считаем, что Дуня пошла в школу не с семи лет, а одиннадцати-летней. Все нужные документы оформят, это стоит не так дорого, – успокоил родителей невесты Додик и распрощался, оставив супругов Федотовых в состоянии прострации.

Первой опомнилась более сильная половина.

– Господин Табунов теперь не просто бандит, но и авторитетный бизнесмен, значит, способен мыслить адекватно. Я обращусь к нему за помощью, и он вразумит своего дебила-сына.

Господин Федотов не слушал жену и только повторял и повторял, как заведенный:

– Нужно бежать, бежать, бежать, бежать...

Сначала жена приводила в чувство супруга, потом у самой Ирины Степановны началась истерика, и ее успокаивал муж. Только Федотовы более-менее пришли в норму, как, словно черный рояль в кустах, на рынке объявился в черном «мерседесе» сам господин Табунов. В сопровождении охраны бандитского вида авторитетный бизнесмен направился к зданию администрации рынка, а оттуда с двумя телохранителями выскочил директор рынка и потрусил навстречу крыше, а может, уже и хозяину. Ирина Степановна без колебаний оставила свою торговую точку на мужа и рванула к предполагаемому спасителю. Но ее перехватил охранник, схватил за грудки и уже собрался придать ей такое обратное ускорение, чтобы она кубарем долетела обратно до своего ларька. Но Табунов остановил мордоворота, знаком приказал ему пропустить просительницу.

Ирина Степановна попыталась немного сбивчиво, так как приходилось соблюдать поли-тес, объяснить отцу нежданного жениха дочки ситуацию, но господин Табунов ее прервал: он видел свою будущую невестку, заметил, что она часто помогает родителям в их трудовой торговой деятельности, и очень эту ее склонность одобряет. Потому выбор сына приветствует, несмотря на низкое социальное положение семьи его избранницы, а незначительное препятствие с документацией невесты устранил в ближайшее время и за умеренную плату. Тут следует пояснить, что об истинной причине своей лояльности к плебейской семейке Федотовых господин Табунов умолчал: Дуня Федотова была последним и, как надеялся господин Табунов, самым эффективным лекарством, которое сможет спасти Додика от пагубного пристрастия к наркотикам. В городе С. молодой человек был страстным поклонником конопли, а по приезде в Разнесенск увлекся еще и героином. Некоторое время ему удавалось обманывать отца, уверяя, что он всего лишь исполнил свою заветную мечту – заделаться, в натуре, бизнесменом, поторговать наркотой, а там и до завидного звания наркобарона недалеко. Что ж, торговля наркотиками – действительно надежный и высокодоходный бизнес сейчас и с еще более прекрасными перспективами в ближайшем будущем. Ведь государство недавно в очередной раз объявило беспощадную войну наркотикам – верная примета, что спрос на наркотики будет расти, а покупательская аудитория расширяться. Но наркодилер, тем более наркобарон, сам не может быть торчком! Это нонсенс! А Додик ходил наширенный. Господин Табунов словами и кулаками втолковывал сыну эту азбучную истину, но только зря отболтал язык и отбил кулаки, отучая Додика от наркотиков. Оставалось надеяться на народную мудрость «женится – переменится».

Госпожа Федотова возвратилась в свой ларек в глубокой задумчивости и на вопросы встревоженного мужа ответила, что история с Додиковым предложением не так однозначна, как казалось поначалу. Господин Табунов подтвердил, что его сын действительно собирается сочетаться законным браком с Дуней с полного отцовского согласия и благословения.

– Согласись, породниться с олигархом, пусть только городского масштаба, перспектива очень и очень заманчивая.

– Ка-ка-какой Табунов олигарх? – в ужасе закричал господин Федотов. – Он обыкновенный бандит!

– Я и говорю: олигарх, – вся в себе, отмахнулась от мужа Ирина. – Меня только одно смущает: вдруг Табунова арестуют, все имущество и деньги конфискуют, и мы со зря раскатанными губами останемся у разбитого корыта. Впрочем, сразу после свадьбы я тонко намекну Дуниному свекру, чтобы он все свое состояние на всякий случай переписал на Дуню. А если он не согласится с этим вариантом, пусть Дуня родит ему внука. Уж для внука-то дед ничего не пожалеет!

У господина Федотова, который в продолжение жениного монолога только беззвучно, как рыба, открывал рот, наконец прорезался голос:

– Ты что?! Хочешь отдать родную дочь на закланье?! Сама же говорила, что Додик обязательно в скором времени кого-нибудь зарежет, вероятнее всего – из тех, с кем больше общается. А если жена все время под боком, зачем искать кого-то на стороне?

– Нет, это слишком большая морoka: подавать заявление в загс, предварительно подделав невестины документы, потом расписываться, играть свадьбу – и все ради того, чтобы потом чиркнуть молодую жену бритвой по горлу?! Гораздо проще и менее хлопотно прирезать какую-нибудь знакомую, а то и первую встречную на улице. Надеюсь, когда это произойдет и Додика арестуют, Дуня уже будет в положении и в положенный срок родит наследника табуновских капиталов.

– И кого же Дуня родит от такого выродка, как Додик? Такого же маньяка? С эдаким внуком никаких капиталов не захочешь!

– Почему же от Додика родится обязательно маньяк? Ведь осужденным серийным убийцам разрешается и жениться, и плодиться. Значит, ученые-генетики не видят в этом никакой опасности!

– Ну не знаю, я не генетик. Только, может быть, эти ученые уже построили себе виллы где-нибудь в Калифорнии, рядом с особняками, купленными там теми самыми добрыми начальниками, и живут они там рядом с начальниковыми детками. Тогда плодятся российские маньяки или не плодятся, им до лампочки.

Доругаться супруги не успели. У госпожи Федотовой запиликал мобильник, и высветился номер Дуниного телефона.

– Але, лапочка, как дела? Сколько пятерок сегодня в школе получила? – ласково проворковала Ирина Степановна, но в ответ услышала лишь какие-то непонятные звуки: «Ва-ва-ва...» А потом истерический голос соседки прокричал:

– Ирка! Приезжай скорее! С Дунькой несчастье!

– Она жива?! – ахнула Ирина Степановна.

– Жива, жива, только не в себе, – отчасти успокоила ее соседка.

Наскоро закрыв киоск, Федотовы завели новые старые «жигули» и помчались к своему дому. Доехав до дома, они, естественно, бросились к соседке, где нашли свою дочь в ужасном состоянии: трясущуюся, в разорванной и изрезанной одежде, всю в синяках и ссадинах. Сама Дуня не могла связно рассказать, что с ней случилось, соседка тоже толком ничего сказать не могла, только объяснила, что девочка вбежала к ней в дом, трясясь, как в лихорадке, забилась в угол, а на все расспросы отвечала: «Ва-ва-ва-ва...» – что, собственно, и продолжает лепетать до сих пор. Когда Дуню отпоили валерьянкой и она наконец смогла говорить, ее родителей затрясло еще больше дочкиного. Самим впору было лепетать «Ва-ва-ва-ва». А в сущности, все ужасные события стали следствием обыкновенного недоразумения.

После школы Дуню встретил Додик и с ходу объявил, что они жених и невеста, а уже завтра станут муж и жена, так как в загсе все проплачено, а где нужно – схвачено. Если бы родители успели предварительно провести среди Дуни разъяснительную работу, возможно, она отнеслась бы к заявлению Додика с большим пониманием. Но девушка о материнских намерениях не знала, не ведала, и слова Додика стали для нее неприятным сюрпризом. Попытавшись уладить дело миром, она стала объяснять неожиданному жениху, что ей еще учиться и учиться: нужно закончить восьмой класс, потом девятый, десятый, одиннадцатый, а там ученые люди поговаривают еще и о двенадцатом. После окончания школы ей хочется поступить в институт, защитить диплом, и вот тогда можно думать о поисках спутника жизни. А пока замужество не входит в ее планы. Додик противоречий не терпел и возразил невесте в том смысле, что если она не соглашается выходить за него замуж завтра, то станет его супругой здесь и сейчас, и потянул суженую в ближайшие кусты. Тут Дуня испугалась по-настоящему, стала визжать, вырываться, царапаться, кусаться и, как примерная ученица школьного физрука, вспомнила элементарные приемы самообороны, которым педагог обучил своих подопечных. Да и по телевидению накачанные спортсмены-каратисты частенько объясняют субтильным барышням, что им нечего надеяться на нерасторопное государство, они сами должны и легко могут справляться с разнообразными маньяками, нападающими на них во тьме ночных улиц (да и среди белого дня таких хватает). Дуня со страху применила рекомендованный физруком и мастерами спорта прием – и Додик, взыв от боли, отпустил свою жертву. Но хотя у Дуни и по легкой атлетике тоже была пятерка, бегу в туфлях на высоких каблуках физрук их не обучал, а Дуня, вопреки запретам матери, посещала школу именно в такой обуви и далеко убежать не сумела. Додик догнал ее аккуратно возле мусорного контейнера, для начала треснул кулаком по макушке, потом стал избивать чем попало по чему попало, затащил за помойку, бритвой порезал на ней одежду и объявил, что от любви до ненависти один шаг и он этот шаг сделал. На таких стервах не женятся, он сейчас изнасилует ее в традиционной и извра-

щенной форме, потом продаст в бордель, и пусть скажет спасибо, если не исполосует бритвой и не перережет ей горло. А если родители будущей проститутки попытаются хотя бы пикнуть, их живыми закопают в землю, а вздумают бежать – найдут в любом царстве-государстве. Свои слова Додик подкреплял практическими действиями, и Дуне пришлось бы здесь же, у помойного контейнера, начать свою взрослую половую жизнь, оденься она по совету матери в приличное для девушки ее возраста платье нормальной длины. Но поперечная Дуня надела джинсы, а их снять, понятно, гораздо труднее даже с помощью бритвы. Конечно, Додик все равно достиг бы желаемого, но это промедление Дуню спасло. Ее знакомый бездомный пес, которого Дуня иногда из жалости подкармливала колбасой, бежал мимо в поисках мало-мальски пригодного пропитания. Подбегая к вожделенной помойке, он и увидел, как обижают его благодетельницу. Видимо, Дуня предстала в его воспаленном от голода воображении в образе незабываемой колбасы, на которую покушается двуногий злодей, и пес ринулся на Додика и вцепился ему в правую руку, сжимавшую опасную бритву. А зубищи у собаки были преогромные. Додик выронил бритву и заорал как резаный! А пес дополнительно хорошенько тяпнул его еще и за филейную часть, выглядевшую для голодной собаки особенно соблазнительно, потому что Додик спустил и свои штаны тоже, готовясь свершить первую часть прорекламированного им мерзкого деяния. После этого подвига храбрость оставила доблестного пса, и трусоватый Дунин защитник бросился бежать без оглядки. И Дуня, на ходу натягивая джинсы, побежала быстрее, чем мышка от кота, но не к своему дому, а к соседке, потому что боялась преследования Додика, а на миру и смерть красна. Дальнейшие события уже излагались выше. Дуня рыдала на груди у матери, и Ирина Степановна, обнимая дочь, окропляла ее обильными слезами, обеих била нервная дрожь, их зубы словно выстукивали пулеметной дробью мотив известной песни: «Та-та-та, – говорит пулеметчик. Та-та-та, – говорит пулемет». Но диссонансом этой грозной музыке последнего решительного и беспощадного боя звучали панические стоны-всхлипывания: «Бежать... бежать... бежать...»

Глава 3

– Бежать... Но куда? – подняла залитое слезами лицо несчастная мать. – Нет такой страны на свете, где мы могли бы чувствовать себя в безопасности от убийц-рецидивистов, которые грозят закопать нас в землю живыми...

– Есть такая страна! – как гром среди зянутого мрачными грозowymi тучами неба, вдруг прозвучал голос отца семейства. Господин Федотов, потрясая дланью, возвышался над согбенными фигурами своих близких. – Есть такая страна! Там вообще нет никакой преступности, тем более рецидивной, потому что в их УК только две статьи: первая – кража, и вторая – прочие тяжкие преступления. Соответственно, их УК предусматривает два вида наказаний: за кражу отрубают руку, за прочие тяжкие преступления – голову. Поэтому и нет никаких убийц-рецидивистов. Сама посуди, какой может быть рецидив без головы?

– И где этот райский уголок? Как называется эта благословенная страна?

– Эта солнечная страна называется Эмираты, и граждане живут там, как при когда-то обещанном нам коммунизме, хотя шейхи, ими правящие, и не руководствуются идеями великого итальянского философа шестнадцатого века Джованни Кампанеллы, автора знаменитой утопии «Город солнца». И я завтра же с первой электричкой еду в Москву – занимать очередь в посольство Эмиратов. Буду оформлять визы на въезд и покорнейше просить шейхов осчастливить нас гражданством этой чудесной страны. А сегодня мне нужно спасти спасителя нашей дочери – немного трусливого, но благонамеренного пса, иначе жестокий и мстительный Додик обязательно его убьет, – и господин Федотов, взяв в одну руку топор для самообороны, а в другую – кусок ливерной колбасы «Собачья радость» для установления взаимопонимания с четвероногим спасителем дочери, опасливо оглядываясь, направился к помойке. Посетив несколько столовых для друзей человека, он отыскал пса, которого голод заставил вернуться к месту его боевой славы, заманил пса колбасой в дом, а там, на кухне, Дуниного спасителя уже ждала полуведерная кастрюля супа из куриных голов и лап. Защитник сожрал весь суп, выливал кастрюлю и попросил добавки. Сложив и вторую порцию, благодарный пес лег возле чаши изобилия, всем своим видом демонстрируя твердое намерение защищать любимую посудину, не щадя вражеской крови и самой жизни супостатов.

Весь следующий день Ирина Степановна с Дуней просидели дома, тревожно вздрагивая от каждого шороха за накрепко запертой железной дверью. Вооружившись – мама топором, а дочка кочергой, реликтом бывшего печного отопления, – они не теряли бдительности ни на минуту, еще и еще раз проверяя крепость решеток на окнах. Господин Федотов вернулся домой из Москвы поздно вечером в невеселом настроении. Оказалось, в посольство стояла такая очередь, что записываться нужно было за месяц, а потом каждый день ездить к шести утра отмечаться у ночного добровольного дежурного. И еще знающие люди из очереди сказали, что все женщины в Эмиратах обязаны ходить в хиджабах.

– Вы готовы носить хиджабы?

– Готовы! – хором ответили Ирина Степановна и Дуня.

В конце концов договорились, что глава семейства будет стоять в очереди у посольства, а супруга с дочкой, вооруженные домашним инвентарем останутся держать оборону в доме, защищенные стальной дверью с титановым усилением и стальными же коваными решетками на окнах. Но понятно, что никакие стальные двери, даже с титановым усилением, не спасли бы Федотовых от страшной Додиковой мести. А кто их спас? Конечно же, та самая многократно обруганная неблагодарными гражданами полиция! Мол, никогда эта полиция ничего не знает, ни о чем не слышит, никого не видит, никому ничего не говорит. А в действительности разнесенский дядя Степа вечером того же дня, когда Додик претерпел обиды от Дуни и бездомной собаки, позвонил господину Табунову и сообщил, что он слышал о несчастье

с его сыном (ничего не слышит?), не раз видел этого достойного молодого человека, гуляющим с друзьями по улицам и весям Разнесенска (никого не видит?), поэтому предупреждает и говорит (никому ничего не говорит?), что ДДТ ему друг, но истина в том, что к телу ближе всего свой мундир и начальственное кресло под задом всякой дружбы дороже. И если в Разнесенске взорвут или сожгут целую семью в их собственном доме или станут штурмовать этот дом с применением огнестрельного оружия, то такой эксцесс может выйти за рамки обыденности и тем привлечь внимание безответственных СМИ. С неприятными последствиями для разнесенского дяди Степы. Господин Табунов намек понял. Воспрепятствовать Додику осуществлять его страшную месть он не мог себе позволить: это было бы не по понятиям. Но использовать против обреченных Федотовых взрывчатые вещества, «коктейль Молотова» и огнестрельное оружие категорически запретил. Поэтому Додик стучал тяжелыми предметами в стальные двери федотовского дома, тряс кованые решетки на окнах и изрыгал страшные угрозы, типа: «Выходите, подлые трусы! Я вас живыми в землю зарою». Но в ответ слышал лишь еще более грозный «наш ответ Чемберлену». В переводе с собачьего на человеческий язык он звучал примерно так: «Ща как выскочу! Ща как выпрыгну! Полетят клочки от твоих штанов по закоулочкам!» Дальнейшие угрозы несколько струхнувший Додик продолжил излагать по телефону (и откуда только он узнал номер Дуниного мобильного?) и по Интернету.

Пока Ирина Степановна и Дуня держали оборону, господин Федотов выстоял огромную очередь в посольство Эмиратов и попал-таки на прием к посольскому чиновнику. Тот принял кандидата в эмиратские граждане очень радушно, но сразу поинтересовался, сколько сотен миллионов долларов будущий подданный его высочества шейха сможет вложить в экономику Эмиратов? Увидев растерянность будущего согражданина, чиновник его успокоил: вложение возможно и в евро, и в юанях, и в иенах и в любой другой конвертируемой валюте. Несмотря на монархический строй, в Эмиратах царят полная демократия и дружба народов. К тому же его высочество шейх уже привык ко всяким приятным сюрпризам со стороны обладателей загадочной новорусской души...

После фиаско с Эмиратами господин Федотов не пал духом, а продолжал искать другие варианты. Один из вариантов предполагал, что во время очередного «визита» Додика к нему подбегает выдрессированный пес-спаситель, для маскировки дивно изукрашенный гирляндами, с хозяйственной сумкой в зубах. А в сумке – тротильный заряд с дистанционным взрывателем, букет цветов и портативный магнитофон, изливающий дивную мелодию: «Букет цветов из Ниццы прислали мне...». Тщеславный Додик принимает букет, пес спасается бегством, заряд взрывается, семейство Федотовых спасено. А Дуня, напрочь забросившая учебу и посещавшая только стрелковую секцию, собиралась похитить там винтовку и два патрона. Первым выстрелом она думала уложить Додика, вторым – пристрелить самого ДДТ. Но лучшая Дунина подруга Аня, прозванная за верность девичьей дружбе Титикакой, посоветовала ей более надежный и верный способ защиты от недруга. Титикака познакомила Дуню со своей родственницей – всемогущей колдуньей, ведуньей и магиней, адептшей высшей белой и черной церемониальной магии, практикующей также наговоры и заговоры вуду. Не успела Дуня переступить порога комнаты магии, как всемогущая колдунья изрекла:

– Знаю твою беду! Я все могу и тебе помогу! – Спрятав в карман черной хламиды модного покроя, скопированной с одеяния известной певицы, солидный гонорар, адептша черно-белой магии принесла из сеней ведро наговоренной глины, налила кружку заговоренной воды и скомандовала: – Лепи изваяние своего недруга!

Дуня, как могла, слепила глиняную куклу. Ведунья слегка подсушила куклу на ритуальном огне спиртовки, вручила Дуне здоровенную швейную иглу и рывкнула:

– Коли его, поганца, во все уязвимые места!

Уж Дуня расстаралась от души! Пыряя глиняного Додика и туда, и сюда, она с огромным удовлетворением представляла, как где-то там ненавистный обидчик сейчас корчится от

боли и зарекается на будущее от своих мерзких замыслов. Но только Дуня вернулась домой, как зазвонил мобильник и Додик, по-прежнему живой и здоровый, опять начал изрыгать свои угрозы!

– Силен враг человеческий! – удивилась всемогущая колдунья, выслушав на следующий день Дунины претензии.

Спрятав положенный гонорар в карман черной хламиды, ведунья на этот раз уже лично изготовила глиняную копию Додика и сама нанесла кукле смертельные уколы. После чего передала куклу и иголку Дуне и наказала ей колоть глиняного истукана трое суток подряд каждые три часа, читая при этом вслух громко и с выражением вудистские заклинания и наговоры. Брошюрку с текстами колдовских заклинаний ведунья продала Дуне за особую солидную плату. Наговоры, заговоры и особенно заклинания подействовали уже на вторые сутки, только не на Додика, который продолжал терроризировать Дуню звонками и эсэмэсками с угрозами одна страшней другой, а на Ирину Степановну. У госпожи Федотовой произошло временное помутнение рассудка, и она побежала жаловаться на Додика в полицию. В ОВД ей учтиво разъяснили, что гуманизация ФСИН принесла свои положительные плоды: рецидивов стало меньше. А либеральные прогрессивные виды наказаний – домашний арест с браслетом на ноге и слежением за домосидельцами с помощью целой армады спутников еще больше снизят уровень преступности. Криминальные элементы убоятся грозного наказания и впредь поостерегутся нарушать закон! Если же какого-то гражданина или гражданку убьют или всего лишь искалечат, полиция тут же придет на помощь: мы все время начеку! Ирина Степановна в еще более помутненном состоянии вернулась домой, а Дуня после безрезультатного завершения трехсуточного заговорно-наговорного марафона вновь была вынуждена обратиться к всемогущей колдунье.

Адептша черно-белой магии встретила страждущую посетительницу в белом балахоне, но с черным шарфом, повязанным вокруг шеи, а затем и вокруг чрезвычайно дородной талии и далее струящимся до самого пола, что символизировало неминуемую конечную победу света и добра, несмотря ни на какие происки темных сил, обеспечивших Додику временную загово-роустойчивость.

– У злодея есть могущественный инфернальный покровитель... Там! – и ведунья неопределенно махнула рукой куда-то в сторону столицы.

Дуня так и не поняла, какое именно высокопоставленное инфернальное лицо она имела в виду: уж не из Комитета ли по законодательству Государственной думы? Впрочем, такую догадку высказал господин Федотов, когда Дуня рассказала ему о своей беседе с магиней. А сама ведунья адреса Додикова покровителя не уточнила, зато твердо обещала самого Додика в конце концов непременно сокрушить, потому что никакой покровитель никого не сможет защищать вечно от вудистских проклятий и заклинаний.

– На этот раз, – зловеще прошипела жрица религии вуду, – я натравлю на злобного и изворотливого Додика и его высокопоставленного инфернального покровителя всемогущие силы четырех стихий. Наведу на обоих порчу, сглаз, кармические проклятия, наколдую им невезение – одному в криминальной, а другому в законотворческой деятельности, наконец, нахлобучу на головы этим мерзавцам венец безбрачия. Но чтобы мои колдовские наговоры подействовали в полную силу, ты, Дуня, должна свершить самый магический из всех магических обрядов вуду, а именно – купить у меня вот этого магического ритуального петуха, – тут всемогущая колдунья вытащила из-под стола здорового черного петуха с красным гребешком, – а вернувшись домой, разжечь ритуальный костер, поставить возле костра деревянный чурбан, на деревянный чурбан водрузить чурбан глиняный, воплощающий сущность злобного Додика, на глиняный чурбан посадить этого петуха, магического, ритуального, и привязать его за ногу к чурбанам покрепче. После чего три дня и три ночи нужно ходить вокруг костра, чурбанов и петуха, тебе одной или с кем-то сменяясь поочередно. И непрерывно вслух, с выражением,

а лучше – нараспев, декламировать заговоры и наговоры по той колдовской брошюрке, что я тебе продала. Причем после прочтения каждого заговора и наговора колоть глиняного Додика иголкой в самые болезненные места его глиняного тела. Если через трое суток этот магический колдовской обряд не подействует, брось оба чурбана в костер, петуху отрежь голову и окропи петушиной кровью горящие чурбаны. Против такого колдовского заговора-наговора с магическим вуду-обрядом никто не устоит. Высокопоставленный виртуально-инфернальный покровитель Додика скукожится в своем законодательном коконе и превратится в зомби-два, потому что он уже и так зомби. А Додику вообще придет карачун.

– Боюсь, что я не сумею голову петуху отрезать, – робко возразила колдунья Дуня. – Лучше отстрелить этой птичке головку из мелкокалиберки в тире. Мы с моей лучшей подругой Анютой-Титикакой победили в районных соревнованиях по стрельбе, так что не промахнемся.

– Захочешь жить, сумеешь голову и отрезать, – сурово сдвинула брови магша. – И резать надо только вот этим тупым зазубренным ритуальным ножом. Я продам его тебе недорого.

Дуня напомнила Анюте-Титикаке о девичьей дружбе, и Титикака согласилась ходить хороводом вокруг костра и декламировать чурбанам и магическому петуху колдовские заговоры и наговоры посменно с подругой. Господин Федотов не верил в волшебство колдуний, ведуний, ворожей, ясновидящих и прочих, adeptш черных и белых магий обзывал мошенниками, а их доверчивых клиенток – набитыми дурами, которых разводят на деньги. Но при этом всегда подчеркивал, что он никого конкретно в виду не имеет, потому что о присутствующих в таких случаях не говорят. Ирина Степановна соглашалась о муже, что образованной и культурной современной женщине не пристало верить во всякую ерунду, как, например, вставание утром из постели обязательно с левой ноги. Она сама таких доверчивых гусынь всегда осуждала и высмеивала. Но с другой стороны, все ее прежние и нынешние коллеги по работе в торговле, как одна, утверждают, что общеизвестные всамделишные приметы (черная кошка, например, или спотык на правую ногу) всегда подтверждаются, предсказания вещуний сбываются, а навести какой-нибудь ведунье на человека сглаз или порчу – вообще плевое дело, как и снять эту самую порчу и поставить оберег от сглаза и прочих несчастий. И Ирина Степановна сама была свидетельницей справедливости этих утверждений. Как-то директору их магазина «Мясо-рыба-овощи» встречающая цыганка нагадала посещение казенного дома и двойной убыток. А когда директор ехал на работу, дорогу перед его машиной перебежала черная кошка, он не успел затормозить и переехал заколдованную черту. В тот же день в магазин нагрянула торговая инспекция с полицией, директора после торговоинспекционного шмона попросили проехать в ОВД, и ему пришлось хорошо раскошелиться, чтобы избежать возбуждения уголовного дела. Позднее обнаружилось: когда директор, позолотив цыганке ручку и положив кошелек в наружный карман, слушал, разинув рот, ее предсказание, то ли цыганкин малец, который вертелся тут же, то ли сама вещунья сперли этот кошелек у него из кармана.

– Поэтому в одном ты прав: колдунии и вещуны действительно разводят клиентов на деньги. Но гадают-то и вещают они правильно! Директор действительно и в казенном доме побывал, и убыток понес двойной. И та колдунья, к которой ходит Дуня, может нам помочь. Во всяком случае, хуже нам не будет, потому что хуже уже некуда! – И последующие события посрамили Фому неверующего – господина Федотова, а его супруга, как всегда, оказалась права!

На следующий день, с утречка пораньше, Дуня с Титикакой начали камлать вокруг чурбанов и магического петуха, а уже часа через три колдовство вуду стало действовать. Правда, не совсем так, как ожидали Дуня и ее мама. И это неудивительно! Российские колдуны поднапорели по части отворотов-приворотов, сглазов, порчи и оберегов от всей этой напасти. А вот магию вуду они осваивали заочно, потому что к осиному гнезду матерых колдунов вуду они и близко не подъезжали! Наши престарелые вещуны-ведуньи, может, вообще не знают, где эта прародина вудизма – Гаити находится. А какие получают мастера своего дела из заочников

– хоть юристов, хоть вудистов, – известно! Горе, а не специалисты: чего ни начнут делать – все у них получается сикось-накось. Как по популярной песне: сделать хотел руно, а получилось... Ладно еще, если такой вудист-заочник честно признается, что он в колдовстве вуду по-настоящему не волочет, или хоть намекнет на это обстоятельство: мол, хотите пользоваться моей не шибко квалифицированной помощью – как могу, помогу. А не доверяете мне, поезжайте на Гаити. Там практикуют потомственные профессионалы вуду-колдовства. Они хоть мертвого, хоть живого запросто превратят в зомби. Чем-то им не глянетесь – оглянуться не успеете, а вы еще ходите, как живой, а на самом деле внутри уже мертвый. Как тот высокопоставленный законодатель – виртуальный и inferнальный покровитель Додика и всех додикоподобных. Видно, нелегкая от безделья и скуки жизнь депутата занесла его на Гаити. А чего не шляться по миру, если за все платишь не из своего кармана, а путешествуешь за государственный счет?! Там бедолага и нарвался на колдуна вуду, раз-два – и наш путешественник уже зомби... То есть Титикакина родственница-колдунья честно намекнула Дуне, что магией вуду владеет не в совершенстве, если способна превратить лишь зомби в зомби-два. Выходит, ранее не зазомбированного человека сделать зомби ей слабо. Имеющий уши это честное признание вещуньи да услышит и поймет, почему вудистское колдовство ведуньи по наведению порчи на Додика поначалу буксовало, но в конце концов достигло цели, хотя и не совсем с того боку, как ожидали заказчицы.

Прошаманив часа три вокруг петуха, Дуня для проверки эффективности заговоров и наговоров включила мобильник, и из него тут же полились гнусная ругань и злобные угрозы Додика. Дуня с Титикакой просто руками развели: и колдовство никак не действует, и Додик совсем оборзел от злости, так что непрерывно трезвонит на Дунин мобильник. Но в это самое время к Ирине Степановне как раз заявила нежданная гостья – двоюродная сестра Клава из Армавира. Она приезжала в Москву и проездом в аэропорт «Быково» решила навестить родственницу. Обнялись, поцеловались, поахали – давно не виделись, сто лет в обед. Но и двух слов не сказавши о своем житье-бытье, Клава вдруг начала костерить сильных и богатых мира сего – новорусского. И мерзавцы-то они, и бандиты, и ворюги, и все разворовали, и все разграбили и по заграницам растащили! И все никак не нажрут, проклятые, чтоб они лопнули! И так далее, и тому подобное. Ирина Степановна и до Клавиного выступления таких речей за годы демократической благодати уже столько понаслушалась, аж уши распухли. Ну ладно, одно дело, когда ведут такие разговоры мужики – им дома делать нечего, вот и рассуждают на общероссийские темы. Господин Федотов вон большой охотник до подобных дискуссий. Но его, к сожалению, дома не было, а то бы с милой душой разговор поддержал: его чаем не пои – дай только язык почесать на политические темы. А женщине такие разговоры слушать неинтересно – все заботы о семье, о доме на ней лежат, потому ее занимают темы семейные: кто женился, кто родился, кто развелся, как дети учатся, как родители мучаются? Разве, кроме политики, не о чем и поговорить? Вот Ирина и поинтересовалась у сестрицы:

– Как там родные поживают? Часто ли с ними встречаешься?

– Да какие нынче родные?! Хуже чужих! – опять взъерилась кузина. – Вот решила навестить родню – Артюнянца, у него поместье в Малинской, от тебя неподалеку. Так охрана даже в ворота не пустила. Можно сказать, взашей прогнали! Вот каковы оказались наши с тобой родственнички!

«Ну точно: Клавка чеканулась... Хороша же, наверное, у них там жизнь, в Армавире, вроде нашей, в Разнесенске», – подумала Ирина и осторожно попыталась отвлечь недужную от ее бредней:

– Ты что, Клавушка, какие мы с тобой родственницы Артюнянцу? Я Федотова, а ты и вовсе Иванова...

– Да, по мужу я Иванова, а ты – Федотова, – согласилась Клавдия, вроде стала очухиваться. А потом опять за свое: – А девичьи фамилии-то у нас какие? Урожденные мы с тобой кто? Подосинкины!

– И с какого бодуна Подосинкины роднее Артюнянцу, чем Ивановы с Федотовыми? – опять попыталась образумить трехнутую кузину Ирина Степановна.

– Так ты до сих пор ничего не знаешь? Нужно с родственниками почаще общаться, тогда бы и удивляться не пришлось, – и Клавдия вытащила из сумки старую-престарую пожелтевшую фотокарточку на плотном картоне. Сразу видно, что еще дореволюционная. С фото улыбалась очаровательная невеста в белой фате. Рядом с ней стоял серьезный усатый и бородатый господин – новобрачные запечатлели торжественный момент в своей жизни. А на обороте фотокарточки выцветшими от времени чернилами свидетельствовалось: «Месье Подосинкин и мадам Подосинкина, урожденная мадемуазель Арабелла Артюнянц». – И эта самая Арабелла, между прочим, наша прапрабабушка, – уперла палец в улыбчивую невесту Клавдия. – И зачем только она вышла замуж за мрачного Подосинкина? Останься Арабелла в девицах тогда, во времена России, которую мы потеряли, сегодня в России, которую мы развалили, нам как родственникам олигарха можно было бы кататься как сыр в масле. Разве Артюнянц позволил бы так грубо дать от ворот поворот родственнице, носящей фамилию Артюнянц, как он турнул в шею Подосинкину?!

Ирина Степановна не стала заморочиваться нелогичностью радужных надежд кузины (не выйди Арабелла замуж, каким ветром надуло бы их с Клавдией общую прабабушку?). Ее быстрый разум (небыстрые разумом в торговле не выживают) сразу озарило: колдовство подействовало! Вудистская магия верна, потому и всеильна! Но на колдовство надейся, а сама не плошай! Опираясь на магические наработки, проявляй и собственную инициативу!

Перебирая ногами от нетерпения, госпожа Федотова распростилась с гостьей и первым делом позвонила своему любезному полицейскому поклоннику. В память их былой дружбы в патриархальные времена полицейского крышевания рынка она попросила у любезника совета и помощи в задуманной операции под названием: «Фамилий изменение ради фамилии спасения». Бывший любезный друг согласился оказать и оказал помощь и всяческое содействие, но честно предупредил, что он лично в успех задуманного предприятия не верит; и попросил не афишировать его участие в несколько авантюрном, на его взгляд, проекте. Но Ирина Степановна уже закусила удила и помчалась по кругу: загс, паспортный стол, полиция и прочие компетентные и заинтересованные организации. Везде ее заявления рассматривали, спасибо любезному другу, в условиях наибольшего благоприствования. Весть о том, что Федотова объявила себя родственницей Артюнянца, стала известна ее родным, знакомым, полужнакомым и даже незнакомым. Родные и знакомые в глаза выражали вежливое удивление, а за глаза говорили, что Ирке моча ударила в голову. Полужнакомые и незнакомые высказывали это мнение и в глаза, и за глаза, а в придачу вертели пальцем у виска. Директор рынка господин Бабаджан-оглы тоже прокомментировал это известие и сообщил, что он глубоко чтит женщину и считает ее человеком, более того, женщина для него – святая, поэтому ее место в детской и на кухне, ибо как только она эти благословенные места покидает, сразу впадает в дурь и непотребство. А за то, что Ирина Степановна натворила, опозорив и поправ фамилию супруга, господин Федотов как мужчина и муж должен бы «зарезать ее кинжалом».

Господин Табунов, выслушав в глубоком молчании возмущенную речь директора рынка, впал в тяжкую задумчивость и затем стал единственным из посвященных в эту историю, кто не насыпал Ирине Степановне соли на рану. ДДТ, встретив ее на рынке, вежливо ответил на приветствие и посмотрел на новоявленную госпожу Артюнянц как-то по-новому серьезно. После трех суток непрерывных хлопот Ирина Степановна получила добро от всех компетентных органов на смену фамилий для себя и дочери и выдачу им новых паспортов, а Дуня и Титикака завершили первый этап магического вуду-обряда и перед переходом к заключитель-

ному этапу – с отрезанием головы петуху – решили еще раз проверить, как действовали на Додика их заговоры и наговоры.

Включили Дунин мобильник – в эфире тишина. Правда, спустя малое время Дуне все же позвонили, высветился номер Додикова мобильного, но опять – ни слова, только злобное сопение в трубку.

– Заговоры и наговоры действовали! На Додика наведена порча: у него отнялся язык! Потом отсохнут руки и ноги! А отрежем голову петуху, у него и башка отвалится! – сияла от радости Дуня, сообщая маме спасительное известие. Ирина Степановна в свою очередь порадовала дочку, показав ей их новые паспорта, выписанные на новую знаменитую фамилию.

– А петуху отрезать голову не следует. Мы пойдем другим, более перспективным путем, на который направила нас вудистская чародейка, – Ирина Степановна торжествующе потрясла над головой новенькими паспортами. – Петуха же оставим в живых для будущих камланий, если вдруг что-то не заладится и нам срочно потребуется помощь особо всемогущих колдовских сил. И еще, очень жаль, что в тебе нет настоящей предпринимательской жилки. Иначе ты и сама бы догадалась, что взять и вот так, по дури, зарезать ритуального, заговоренного колдовской магией вуду, оккультивированного петуха – непростительная глупость! Ведь с его помощью можно наладить такой инновационный прибыльный бизнес, что только ай-лю-ли-малина! Я куплю десяток-другой кур-несушек, и наш оккультный Петя будет сидеть с ними в сарае, как шахиншах в гареме! Когда народятся петушата, унаследовавшие от папы колдовские гены, мы станем продавать их ведуньям по бешеным ценам! Спрос будет огромный! В любой газете масса ведуний и ведунов предлагают клиентам свои услуги! А если к колдунам причислить и экстрасенсов с ясновидящими, то всеми этими мастерами дел волшебных хоть пруд пруди! И каждый с радостью приобретет себе магического петушка с отличной вудистской родословной! И теперь мы можем помочь твоей старшей сестре. Хватит уже Лизочке носиться со шваброй по офисным коридорам. Она станет ведуньей госпожой Лизой и с помощью нашего заговоренного петуха и учебных пособий по заочному овладению методикой колдовства не хуже других-прочих сможет снимать порчу, сглаз и венцы безбрачия. А нам с тобой следует встретиться с Юрием Борисовичем Артюнянцем, который оказался нашим родственником, и это обстоятельство открылось при помощи колдовских обрядов вуду. Если господин Артюнянц признает нас родственниками, нам и без отрезания петушиной головы никто не будет страшен. Но мы не повторим ошибки твоей тети Клавы, с паспортом Ивановой попершейся в гости к патриарху фамилии Артюнянц, а в подтверждение своего родства с ним не нашедшей ничего умнее, как сослаться на свою девичью фамилию – Подосинкина. Юрий Борисович, может, и знать того не знает, что двоюродная сестра его прапрадедушки или прапрабабушки когда-то вышла замуж за господина Подосинкина. Потому его охрана и приняла тетю Клаву за аферистку и нахамила ей по полной программе. Хорошо еще, что охранники и вправду не надавали незваной гостье по шее. Но мы, бывшие Федотовы, а ныне Артюнянц, люди интеллигентные, и будем вести себя культурно и деликатно. Сначала ты спокойно закончишь школу и сдашь ЕГЭ. Ответы на экзаменационные вопросы папа тебе уже купил у серьезного, вполне заслуживающего доверия дилера. Когда ты получишь аттестат зрелости на нашу настоящую знаменитую фамилию, мы с тобой поедem представляться высокопоставленному родственнику Ю. Б. Артюнянцу. У нас тогда будет приличная, уважительная причина для визита. Юная родственница прощается со школой и детством, и святая обязанность главы клана Артюнянцев – Юрия Борисовича Артюнянца – благословить отроковицу на пороге взрослой жизни: мол, летите, голубка, летите! И очень приятно слышать, что колдовская вудистская порча начала точить Додика. Будем надеяться, что к радостной дате благополучного завершения твоего обучения в школе у этого мерзавца отсохнет не только язык, но и все прочие конечности, включая голову. Тогда нам не придется просить защиты у Ю. Б. Артюнянца. Мы просто нанесем ему бескорыстный родственный визит вежливости. Затем известим о любезном приеме, оказанном нам Юрием Борисовичем,

всех и каждого – и не только инвалидов на голову Додик, но и все уголовники, сколько их ни есть, станут обходить нас десятой дорогой!

Н-да, что тут скажешь... Противоречива натура человеческая! Мы верим, что судьба наша начертана на небесах, по-научному – в ноосфере, и всячески стараемся разузнать о своем будущем поточнее. Об этом даже в песне поется: «Все люди желают знать, желают знать, желают знать, что будет». И там же потенциальных клиентов и клиенток гадалок предостерегают от потребления некачественной оккультной продукции: мол, держите ухо востро, бывает, что и «благородные карточные короли лгут». Это как на обычном рынке товаров и услуг. Не зря же чиновные начальники постоянно предупреждают покупателей: «Требуйте от продавцов сертификат качества на приобретаемый товар!» А проявили халатность при покупке, допустим, капель для улучшения зрения и глаза у вас выскочили на лоб – так в этой своей беде вы сами и виноваты. Не обратили внимания, что у аптекарей сертификат какой-то подозрительный, наверняка фальшивый. И на упаковке капель шрифт надписей расплывчатый – тоже понятно: контрафакт. Так и с вещуньями. Есть настоящие, потомственные предсказательницы будущего. Они обычно оказывают услуги у вокзалов, там же, где с незапамятных времен, когда еще вместо поездов пассажиров перевозили на тройках гнедых, их предшественницы уже предсказывали разудалым ямщикам будущее, по большей части незавидное. Сами же предсказательницы жили безбедно, и этот свой дар по наследству передали своим дочерям, а те – внукам, правнучкам и так далее. Сертификатом качества настоящим гадалкам служат их длинные юбки, поэтому предсказания профессиональных вещуний всегда сбываются. Одна такая ворожея предсказала тогда еще совсем молоденькой ученице торгового ПТУ Ирочке Подосинкиной, что она встретит бубнового валета, ей светит казенный, а затем неказенный дом, будут у нее два сыночка и дочка, и прожить ей до глубокой старости в благополучии и достатке. Хорошее гадание. Не зря Ирочка позолотила ручку предсказательницы всей своей стипендией. И главное, все сразу начало исполняться! Бубновый валет? Вот он – любимый жених, а затем и муж господин Федотов. Казенный, а потом неказенный дом? Магазин «Мясо-рыба-овощи-фрукты», сначала государственный, потом прихвачизированный. Два сыночка и дочка? Ну вместо них две дочки. Тоже неплохо. И ведь в остальном все расписано до старости в положительном смысле. И Дуне другая гадалка в сертификате предсказала долгую счастливую жизнь и мужа богатого, потому что и Дуня не поскупилась: все денежки, что выкланчила у матери на новые туфли, отдала патентованной вещунье, прицепившейся к ней у железнодорожного вокзала. Кажется, чего бы после этого волноваться? Плыви себе дальше по течению жизни в предсказанном направлении, не обращая внимания на рифы и мели, ведь благополучное прибытие в счастливую гавань стопроцентно обеспечено! И тем, кому сертифицированная гадалка предсказала всякие напасти и несчастья, следует сохранять достойное спокойствие. Ведь трепыхайся, не трепыхайся, а от своей горькой участи все равно не убежишь. Так, одна подруга детства Ирочки Подосинкиной, по имени Октябрина, скупой позолотила ручку гадалке (а та была в двух сертификатах разом), и обиженная вещунья предсказала пожатничавшей девице безмужнее одиночество. Октябрина, нет чтобы покориться своей злосчастной участи, помчалась к колдунье снимать венец безбрачия. Ну сняла с нее всемогущая колдунья этот пакостный венец. И что? Вышла Октябрина замуж, и не один раз, а целых три, не считая гражданских браков. А что в итоге? Развелась – и опять свободна, ждет принца на белом скакуне. Только в ее возрасте вряд ли на принца можно претендовать, если даже престарелые пузатые короли предпочитают ухлестывать за молоденькими принцессочками. Вот и Ирина Степановна с Дуней вмешались в естественный ход предсказанных событий, а все потому, что сертифицированным гадалкам с одной стороны – верится, а с другой – не верится. Но обратиться бы им тогда не к колдунье-заочнице вуду, которая даже стажировки на Гаити не проходила, а пойти к отечественной ведьме в четвертом поколении, унаследовавшей колдовские способности от своих бабок и прабабок с отцовской и материнской стороны. Тогда и не действовали бы колдовские

заговоры сикось-накось и через пень-колоду. А любая ошибка в оккультных делах чревата печальными последствиями!

Наконец настал долгожданный для всей семьи бывших Федотовых, а теперь наполовину Артюнянц, день прощания Дуни со школой. Позади остались одиннадцать лет учебы, в последние годы не слишком успешной. Зато ЕГЭ Дуня сдала с отличными результатами. Дилер, продавший господину Федотову экзаменационные ответы, оказался порядочным человеком. А то ведь бывает, что впарят прошлогодние, а то и вообще невесть что...

К торжественной дате Дуня выцыганила у матери новое платье и туфли и, явившись на выпускной бал во всеоружии, вызвала всеобщее восхищение непрекрасной половины выпускников. После бала всем классом собрались ехать в столицу, на Красную площадь, в самый-самый центр огромной страны, а потом покататься по Москве-реке на речном трамвайчике. Но все это планов громадье рухнуло в самом начале праздничного турне, едва не похоронив под своими обломками прекрасную королеву бала. На железнодорожной платформе Дуня нос к носу столкнулась с Серым, своим бывшим ухажером, который часто плечом к плечу с Додиком вел осаду Дуниного дома. Понятно, с каким чувством Дуня смотрела на блудливо и бессмысленно ухмыляющегося Серого, на его серую испитую рожу с гляделками, состоящими как будто из одних расширенных во весь глаз зрачков. Сразу видно: переширялся или пережрал наркотиков. Может, хватит передоза и, даст Бог, скоро вслед за источенным колдовской порчей Додиком тоже подохнет? Их две ненавистные рожи Дуня всякий раз мысленно представляла на мишенях во время стрелковых соревнований, и пули ложились точно в цель, в десятку, то есть прямо в лоб поганым злодеям. До некоторой степени утешительные мысли Дуни прервал гнусавый прибалтанный голос Серого:

– Ты жива еще, моя старушка? – Подумать только, это героиновое чудище тоже когда-то приходило первый раз в первый класс и потом даже учило стихотворения?! – Привет тебе, привет! – продолжал гнусить Серый.

– От кого привет? – от неожиданности, ненависти, страха и растерянности Дуня не соображала, что говорит. Сто лет ей не нужны приветы от любых знакомцев Серого. В гробу она их видела в белых тапочках вместе с самим приветоприносителем.

– Известно от кого! Додик в своей колонии по тебе прямо изболелся!

Так Дуня узнала сенсационную новость – Додика все-таки замели, он попался, понятно, на чем-то ужасном, иначе бы отмазали.

– Он болен? – не смогла сдержать радостных эмоций Дуня.

– Почему болен? – удивился Серый. – Это так только говорится: «изболелся». А на самом деле Додик здоровее всех здоровых. Да и с чего бы ему болеть? Сладко спит, калорийно кушает, день проводит в зимнем саду, под сенью экзотических деревьев.

– Но у него как бы появились проблемы с речью, – цеплялась за последнюю надежду Дуня. – Он типа онемел.

– Кто, Додик онемел? – вытаращил глаза Серый. – Не может быть! Он только на днях мне звонил. Очень красноречиво рассказывал, как будет резать тебя на куски. Да я сейчас сам ему позвоню! – Серый потыкал в мобильник. – Алло! Додик! Тут одна временно пока еще живая спрашивает о твоём здоровье. Базарит, что ты, типа, онемел.

Мобильник в руках Серого аж завибрировал от Додиковых проклятий, ругани и угроз. Серый поморщился, отвел мобильник от своего уха и поднес его к уху собеседницы. Новым в словесных помоях, которыми окатил Дуню лагерный сиделец, было лишь постоянное упоминание о каком-то крокодиле.

– К-к-какой крокодил? – только и смогла пролепетать Дуня, шарахнувшись от злорадно ухмылявшегося Серого с его красноречивым мобильником.

– У них на зоне, в зимнем саду, еще и небольшой зоопарк есть, а там в бассейне живет крокодил, здоровенный! – пояснил, пряча телефон, героиновый дружок временно изолирован-

ного наркодилера. – Додикова работа – его кормить. Зарплату за это начисляют небольшую, но зато у начальства он на хорошем счету, потому как трудится, значит, стал на путь исправления, следовательно, достоин условно-досрочного освобождения. А крокодила он поминал сейчас, потому что изменил свои планы относительно тебя и твоего семейства. Раньше собирался закопать вас в землю живыми, а теперь ему этот крокодил так понравился, что он попросил отца купить эту прожорливую рептилию у лагерного начальства. Так что освободится Додик вместе с крокодилом, а кормить его станет вашим семейством: с тебя начиная, отрезать по куску. На завтрак – левую ногу, на обед – правую, обе руки на ужин, а все остальное можно в свежем виде сохранять до следующего кормления. Говорят, что крокодил избалованный, замороженного мяса не признает, привык питаться одной свежатиной.

– Но Д-д-додик ничего такого мне не говорил, последнее время даже не угрожал, а молчал и только сопел в трубку, – простучала зубами Дуня.

– Это ему его отец, ДДТ, запретил тебе угрожать, – пояснил Серый. – А сопеть не запрещал, вот он и сопел. Вообще-то Додик сначала возмущался, даже пытался отцу возражать. Но кореша ему быстро разъяснили, что ДДТ – в законе, зря гнать пургу не станет. Потому как конкретный пацан сначала должен дело сделать, а потом уже базарить...

– И к-к-когда Д-д-додик условно-досрочно освобождается? – опять продребезжала зубами Дуня.

– На днях или раньше, – порадовал ее Серый. – Так что ты последние свои денечки доживаешь!

Уж какая тут поездка на Красную площадь и катание на речном трамвайчике! Дуня на подкашивающихся ногах добралась до дома, рухнула на диван и прерывающимся голосом сообщила родителям страшную новость. Колдунья-заочница вуду опять напортировала! Заговоры и наговоры, нацеленные на Додика, угодили в его отца господина Табунова и подвигли его на благое, но опять-таки половинчатое дело. ДДТ запретил сыну только угрожать Дуне, а от смертоубийственных планов и не думал его отговаривать. После такой информации даже пролетающий по дому Федотовых тихий ангел и тот остолбенел от ужаса! Гробовое молчание сменилось воплями отчаяния. Один Федотов и две Артюнянц металась по комнате и предлагали самые различные, но одинаково неосуществимые планы спасения:

– Заберем только самые ценные вещи и сядем на чемоданы перед посольством Эмиратов. Будем там сидеть, пока шейхи нас к себе не впустят!

– Украду у физрука винтовку и застрелю Додика вместе с его крокодилом во время их торжественной встречи на железнодорожном вокзале!

– Все бросаем и пешком идем в Сингапур!

– Отрежу голову петуху и вместе с Титикакой опять начну шаманить вокруг костра, окропляя петушиной кровью ритуальную куклу Додика!

– Достану взрывчатку и взорву Додика вместе с гостями на праздничном банкете в честь его освобождения!

– Этого еще только нам не хватало! – первой опомнилась мать семейства. – Что бы вы без меня делали? Все ваши предложения – сущий бред! – О собственном проекте пешего хождения за три моря в Сингапур Ирина Степановна забыла. – Сидением на чемоданах у эмиратского посольства ничего не высидишь! С петухом возиться сейчас уже некогда! Додик может вернуться завтра-послезавтра, а с петушиной головой придется хороводить вокруг костра трое суток! Да и колдовской вуду-заговор может опять попасть не по нужному адресу. Допустим, заочно-недоделанная волшебница заставит начальника колонии согласиться не на продажу крокодила Додику, а на обмен рептилии на бегемота, чтобы не ущемлять познавательного интереса своих подопечных. Но нам-то от этого будет не легче! О своих экстремистских намерениях вообще забудьте! У меня не хватит сил и здоровья двадцать лет возить вам на зону передачи!

– Вообще-то могут дать и пожизненный срок, – вынужден был согласиться с мудрой женой господин Федотов. – За самочинную расправу с мошенниками, жуликами, убийцами и маньяками суды карают особенно жестоко! Ведь такого рода народная инициатива ставит под вопрос необходимость содержания огромной армии чиновников юстиции, полиции и администрации. Законодательная, исполнительная и даже болтательная ветви власти вообще окажутся не нужны! Миллионы людей останутся без работы!

– Нам о миллионах безработных думать некогда! – прервала разглагольствования мужа Ирина Степановна. – Самим бы ноги унести подобра-поздорову. Сделаем так. Сегодня уже поздно, а завтра с утра мы с Дуней едем к Артюнянцу. Попросим заступничества у могущественного родственника. Сейчас папа начинает собирать вещи – берем только самое ценное. Если Артюнянц не поможет, отправляемся в Шереметьево и там ожидаем рейса в Сингапур. А я еще раз попытаюсь обратиться в полицию, теперь через нашего общего полицейского друга. Попрошу его замолвить за нас словечко. Ведь не отказал же он нам в помощи при оформлении новых паспортов. Хотя, честно говоря, на полицию надежды мало...

Несмотря на поздний час, любезный друг в рандеву не отказал. Встретились возле бронзовой Каштанки. Кавалерственный приятель со всем вниманием, сочувствием и вежливостью выслушал несчастную женщину, несмотря на то что Ирина Степановна не сдержала эмоций и в сердцах упрекнула рыцарственного полицейского, а точнее, в его лице представляемое им ведомство, в бездействии и потакании бандитам, как бы те себя ни называли – предпринимателями, бизнесменами или просто состоятельными владельцами рептилий.

– Если Додик – сын авторитетного бизнесмена Табунова, так, выходит, ему все можно? Даже кормить своего крокодила законопослушными гражданами?! Я от всех этих переживаний выгляжу ужасно, так похудела, что буквально превратилась в щепку!

Галантный полисиано, разумеется, возразил: легкая субтильность придает Ирочке лишь дополнительную пикантность, а что касается щепок...

– Мой дедушка постоянно вспоминал свою малую родину – деревню, березку под окошком дома своего, пруд, в котором он разводил карпов на продажу... «Эх, – говаривал дедушка, когда его прихватывал радикулит, – сейчас бы на русскую печку, и всю хворь как рукой бы сняло!» А бабушка так прямо плакала: «Я согласилась бы жить не то что в нашем деревенском доме, а даже в бане, что стояла у пруда с карпами. Все лучше, чем в тесной городской квартирке...»

Ирине Степановне было не до ностальгических воспоминаний престарелых родственников любезного друга, и она тонко ему намекнула, что если кому квартира со всеми удобствами не по душе, тому нечего было бросать свою малую родину и переться в город.

Любезный друг не то чтобы в ответ огрызнуться, а, вот что значит – галантный кавалер, напротив, опять рассыпался в комплиментах прекрасному полу: мол, он всегда восхищался женщинами – их мысли парят в области возвышенного и прекрасного. Любовь, дети, семейные радости и хлопоты – вот сфера их интересов. А все грубое, низменное, нечистое, особенно такое грязное, как политика, недостойно их внимания. Тем не менее и прекрасным дамам следует иметь в виду, что наибольшее количество щепок летит не при рубке леса, а в период судьбоносных государственных преобразований. В дни молодости радикулитного деда знаменитый государственный деятель, который блистательно опроверг аксиому, будто гений и злодейство – две вещи несовместные, придерживаясь убеждения, что владыкой мира будет труд, объявил: «Мир хижинам – война дворцам!» У обитателей хижин всегда был, а к тому времени вырос еще больше, огромный зуб на владельцев дворцов. Хотя дед жил не во дворце, но по сравнению с окружающими хижинами и халупами его дом таковым кому-то мог и показаться. Не дожидаясь, когда к нему придут с войной, дед, бросив дом, баню, справное хозяйство и пруд с карпами, пробкой (в данном случае пробка – синоним щепки) вылетел в город. А в начале благословенных демократических реформ прославились двое других знаменитых государственных

деятелей, о которых в народе сложилось неоднозначное мнение. Одни россияне выражали это мнение чаще в устной, непечатной форме, а другие граждане, в основном с двумя или более гражданствами, напротив, находили их деяния достойными всяческих похвал. Один неоднозначный госдеятель вскоре перехитрил сам себя и сошел с дистанции, зато второй выбился типа в цари, постановил, что владыкой мира снова должен стать не труд, а капитал, провозгласил мир дворцам и пожелал в ускоренном порядке вырастить их владельцев. А хижинам он войну не объявлял, но заново построить ранее разрушенные дворцы можно было только за счет проживающих в хижинах. Других средств и возможностей не имелось. Ну, обождать кого-то – дело не хитрое, вот вырастить что-то путное, да еще рекордными темпами, не так легко... Вы-то сами сколько навоза навалили на свой участок, чтобы вдоволь покушать свежий лучок и редисочку? То-то и оно! Пахнет отвратительно, скажем больше – дико воняет? Ничего не поделаешь, приходится терпеть: без навоза приличного урожая не соберешь... Теперь понятно, почему полиции и юстиции дан строгий приказ: не трогать авторитетных бизнесменов типа господина Табунова? А Додик с крокодилом – плоть от плоти его... В утешение могу сказать только одно: удастся вам каким-то боком прислониться к господину Артюнянцу – вы спасены. И если это произойдет, я готов изменить свое скептическое отношение к нашим современникам и ко всему человечеству в целом. Потому что господин Артюнянец – это могучий дуб, чудесным образом, буквально за одну ночь, выросший на упомянутом образом удобренной почве, а господин Табунов со своим отпрыском – лишь мелкая поросль в тени его ветвей. Ну а мы с вами и вовсе мошки, которые служат кормежкой для хищных трав, кустарников и древесных... Кстати, недавно я посетил дедушкины пенаты. На месте бывшего дома там громоздятся погорелые развалины: алкаши сожгли по пьяни. От бани не осталось и следа. Окрестные, давно не паханные пашни, теперь принадлежат неизвестному ООО, зарегистрированному на Кипре. А в пруду вместо карпов водятся дырявые ведра, рваные сапоги, старые автомобильные шины, пластиковые бутылки и разводы солярки... В заключение верный друг все же сообщил и хорошую новость. Оказывается, Додик вернется из узилища не сегодня-завтра, а не раньше, чем через месяц-полтора. У семейства Федотовых-Артюнянц еще остается время для принятия верного решения.

Воскресный день выдался чуть ли не на африканский манер. Уже с утра солнце жарило так, что пот смывал макияж с лиц прелестниц, устремившихся на пляж, к берегам тихоструйной речки Тамерланки. Но Ирине Степановне с Дуней некогда было нежиться в ее прохладных водах. Мужественно отказавшись от сарафанов, они нарядились в свои лучшие, увы, закрытые платья. Господину Артюнянцу сразу следует понять: его родственницы не вертихвостки, а женщины высокой морали, и не какие-то там голодранки, а как-никак принадлежат к среднему классу.

Пока ехали на электричке до Малинской, а потом пешком добирались до владений олигарха, с путешественниц сошло сто потов, но Ирину Степановну экстремальность погоды только радовала: в такую жару и духотищу Артюнянец не сидит в своей городской резиденции, а наверняка выехал в загородную. В виду крепостных стен, окружавших артюнянцевское поместье, его новоявленные родственницы спрятались за кусты, обновили там смытый потовыми ручьями макияж и предстали перед окуляром телекамеры у парадных ворот латифундии во всеоружии красоты. Только напрасны были все приготовления и последующие уверения, их вовсе оказался недостоин охранник, сидевший у телемонитора. Как ни потрясали незваные гости своими новенькими паспортами перед сторожевой оптикой, ничего хорошего они так и не вытрясли. Невидимый страж разговаривал с настырными посетительницами не очень-то вежливо, да что там – очень невежливо: просто предложил им убираться вон. Да еще сопроводил свое предложение упоминанием, правда безадресным, каких-то шаромыжниц, которых черт носит по улицам в такое пекло.

И пошли они, солнцем палимы, повторяя: «Суди его сталинским “особым совещанием”, а еще лучше – чекистской “тройкой” какого-нибудь реинкарнированного Эдмунда Феликсовича Дзержинского».

Не отошли отвергнутые родственницы и на двадцать метров от входа в обитель торжества богатства и власти, как рядом с помпезными воротами с тихим шуршанием открылась калитка, из нее вышел рослый молодой человек в псевдвоенной форме. Этот как бы типа военный догнал быстрым шагом уныло ковыляющих по дороге скорби униженных и оскорбленных женщин, вежливо с ними поздоровался, представился помощником начальника артюнянцевской службы безопасности и извинился за грубость своего подчиненного. Он сочувственно выслушал жалобы изгнанниц от парадного подъезда на зазнавшегося богатого родственника, на наглого охранника. Обвинения в адрес господина Артюнянца дипломатично не поддержал, даже сделал вид, что их вовсе и не слышал, а поведение охранника еще раз осудил, пообещал строго ему выговорить, но вместе с тем отчасти и оправдал. Разве охрана действует по своей воле? Приказано никого не пропускать, вот и не пропускают. И хозяина запрещено беспокоить по пустякам. И вообще увидеть господина Артюнянца, не говоря уже о том, чтобы с ним поговорить, для любого смертного, если он только не в ранге министра, – задача из разряда очевидно невероятного. Окончательно испортив настроение несолоно нахлебавшимся гостям, вежливый помначохраны вдруг подал им надежду на благоприятный исход их дела, но надежду такую слабую-слабую, как тусклый-тусклый свет в конце длинного-длинного тоннеля.

Десять раз оговорившись, что ничего определенного обещать не может, он все же пообещал о них как-то помнить и что-то неопределенное предпринять. А чтобы извещать о результатах этих хлопот, ему неплохо бы знать номер телефона хотя бы одной из очаровательных новых знакомых. При этом добрый секьюрити поедал глазами Дуню, так что не оставалось никаких сомнений, чей именно телефончик он хочет заполучить. Ирине Степановне понравилось, что молодой человек не наглеет, ведет себя культурно, соблюдает приличия и вежливо уделяет внимание обеим дамам – и дочке, и матери. Но главное – он важное лицо в службе безопасности господина Артюнянца, и если не получилось, говоря словами полицейского друга, прислониться к боку самого олигарха, то притулиться поближе хотя бы к его охраннику – тоже дорогого стоит. Поэтому Дуня получила от мамы карт-бланш на знакомство, встречу, а в дальнейшем и на дружбу с Геннадием Цаплиным, как позже выяснилось, увы, не помощником начальника службы безопасности, а всего лишь почти помощником помощника начальника охраны артюнянцевской латифундии. Но на безрыбье и рак рыба!

Описание страданий семейства Федотовых-Артюнянц было прервано появлением запропавшей Дуни, которая наконец-то соблаговолила подкатить к родительскому киоску на дареной покойным Никитой иномарке. Ирина Степановна поспешно вышла из подсобки, и Глеб услышал, какой разнос она устроила безалаберной дочке:

– Ты хочешь свести родителей с ума?! Забыла, в какой стране живешь?! Тут потерял ребенка из вида на полчаса – уже кричи: «Караул! Похитили! Изнасиловали! Зарезали! Убили!» А ты с утра уехала, и от тебя ни звонка! И я дозвониться не могу! Отец уже в предынфарктном состоянии!

Дуня оправдывалась: забыла мобильник дома, а подруга, к которой поехала хвастаться дорогим иномарочным подарком, то ли от зависти, то ли от жадности сказала, что на ее телефоне счет обнулится.

Ирина Степановна только рукой махнула: вот уж истинно: маленькие детки – маленькие бедки, а с большими и вовсе чеканешься.

Увидев Глеба, Дуня его сразу узнала, хотя виделись всего два раза, да и то мельком, но поздоровалась без особой приветливости и большого желания общаться с ним не проявила. Наоборот, еще больше скисла и сразу попыталась отбояриться: мол, об обстоятельствах убийства Никиты она ничего не знает, а что знала – уже рассказала господину Духанскому. При-

шлось Глебу очень серьезно предупредить девушку, что убийство – особо тяжкое преступление, расследуют его скрупулезно, вникая во все мелочи, и ей лучше подробно и без утайки рассказать обо всем, что произошло в день убийства и вообще об истории их знакомства и взаимоотношениях с погибшим. А то ведь недолго из свидетельницы превратиться в обвиняемую. Дуня подумала, тяжело вздохнула и согласилась рассказать все как на духу...

Глава 4

Поехав на свидание к Геннадию, Дуня рассчитывала легко направить мысли спасительного поклонника в нужном направлении. Были у нее веские основания так думать. Еще до поездки в Малинскую они с мамой решили так: если визит к Артюнянцу окажется удачным, оккультному петуху, приговоренному магией вуду к ритуальному закланию, – жить. Если же олигарх не пожелает знаться со своими разнесенскими родственницами, голова намагиченного петуха падет с его плеч. И заговоренная петушиная кровь трое суток будет окроплять исколотую иглами куклу Додика, наводя на него окончательную и бесповоротную порчу. Когда посетительниц грубо прогнали прочь от ворот артюнянцевских владений, они не только зывали к чрезвычайной пролетарской Немезиде, но и мысленно решили участь злосчастного петуха, ведь его голова оставалась последним средством спасения для всей семьи. Смертоубийственные для обреченного Пети флюиды, испускаемые мозговой деятельностью Ирины Степановны и Дуни, долетели до адресата. Но ритуальный петух к тому времени уже и сам стал с усам: из объекта наговоров и заговоров он превратился в субъект колдовства. Как любой безобидный предмет, подвергнутый радиоактивному облучению, становится источником грозной радиации, так и заколдованный и замагиченный со всех сторон петух стал обладателем колдовских способностей. Кроме того, наволшебленный по самый гребень Петя познакомился с пятью очаровательными хохлатками, приобретенными Ириной Степановной на рынке в надежде на прибыльный петушино-ритуальный бизнес. Обрадованный Петя о бизнесе не думал, полагая, что хохлатки присланы исключительно для его услаждения, и не собирался расставаться ни с ними, ни с собственной головой. Поэтому он срочно испустил ответные, но уже колдовские флюиды, и секьюрити Цаплина потянуло к Дуне, как магнитом. Такое объяснение событиям, приключившимся с ними в Малинской, дали Ирина Степановна и Дуня. Многие скажут, что сделанный ими вывод – антинаучен. Чтоб петух, да еще на большом расстоянии, смог повлиять на поведение людей?! Суший бред! Бред-то бред, но кто может на сто процентов исключить и такое объяснение происшедшего? А вдруг?

Вот почему Дуня отправилась на свидание с Геннадием, чувствуя за собой незримую поддержку непознанных наукой вудистских сил, наделивших намагиченного петуха колдовскими способностями. И Геннадий, уж неизвестно, по собственной ли инициативе или незримо управляемый петушино-волшебными наговорами, с каждым новым свиданием влюблялся в Дуню все больше. Во всяком случае, не уставал ее в этом уверять. Дуня же и ее родители искали в Цаплине лишь возможного спасителя и защитника от жуткого Додика. Но наслушавшись комплиментов от поклонника, Дуня стала подумывать; а не сможет ли Геннадий совместить два схожих ремесла – и защитника, и жениха? Конечно, не такого жениха она во сне видала – далеко не принц и даже не лорд. С другой стороны, и не уголовник, не наркоман и не пьяница. А то подкатывался к ней старший братец Титикаки – алкаш алкашом! Совсем недавно был парень как парень. Когда только успел спиться? С пьяной рожей осчастливливал своим вниманием. Как вспомнишь такого кавалера, так вздрогнешь! Уж о Додике не говоря. А у Гены и квартира в Москве, и дом в дачной местности, и сам на хорошей должности – зарабатывает прилично, и ведет себя культурно. Не то чтобы совсем не распускает рук, но и не наглеет бессовестно. Дуня мамины наставления о девичьей гордости, которую нужно беречь смолоду, помнила хорошо. И о том, что приключалось с подружками, забывшими материнские наставления на эту тему по причине легкомысленности девичьей памяти, тоже была наслышана. Но и особенно носиться с этой самой гордостью тоже не было большого резона. А то ведь прогордишься – и останешься с ней, драгоценной, на бобах, куковать в одиночестве. Когда же и любить, как не в восемнадцать лет?! Те же подружки-сверстницы уже приобрели такой богатый опыт в любви – хоть пиши пособие по технологии секса. А у нее всего и было, что вспомнить-то нечего! Общаться

с принцем на белом коне разумеется, предпочтительнее, да где он гарцует – поди отыщи! Зато секьюрити силовой защитной структуры и защитить свою девушку сможет не хуже принца – даром что ездит на иномарке, а не на белом коне. И когда Геннадий прямо в машине захотел перейти заветную запретную черту, Дуня его остановила, объяснив, что у нее для любви сейчас нет никакого настроения. И поведала о своей беде.

Геннадий очень подробно расспросил свою почти возлюбленную обо всех обстоятельствах ее конфликта с Додиком и (вот что значит профессионал!) не стал хвастать: «Я тебя защитю! Я всех победю!» – а обещал изучить этот вопрос по своим каналам и сделать все возможное для защиты семьи Федотовых. На следующем свидании Цаплин, весь сосредоточенный, своих легкомысленных попыток перейти заветную запретную черту не возобновлял, а сразу сообщил, что Дунина проблема оказалась гораздо серьезнее, чем можно было предложить. Начальник службы безопасности, к которому Геннадий обратился за советом и содействием, объяснил, что будь Додик сам по себе, его приструнить, а если добром не поймет – устранить было бы проще простого: да хоть перехватить его по дороге из лагеря в Разнесенск и отдать на съедение его собственному крокодилу. Но Додик – сын главаря разнесенской ОПГ, криминального авторитета и авторитетного бизнесмена Табунова, чья ОПГ, как и любая ОПГ, не может существовать без высокого заступничества и покровительства. К криминальному семейному дуэту Табуновых на хромой козе не подъедешь! Привлечь Додика к ответственности по закону даже после расправы над Федотовыми будет невозможно. Ведь не станет же он скормливать Дуню и ее родителей крокодилу среди бела дня перед зданием администрации Разнесенска! Потерпевших сначала похитят, вывезут в укромное место, а уж там и изготовят из них трехразовое диетическое питание для прожорливой рептилии. И хотя все будут уверены, что к исчезновению, а затем и к убийству Федотовых причастен Додик, где доказательства? Во время судебного процесса адвокат просто морально уничтожит прокурора. Где орудия убийства? Где трупы? Где отпечатки пальцев и потожировые следы рук подсудимого на них? Где свидетели преступления, наконец? Может, господин прокурор предложит допросить в судебном заседании крокодила? Ведь это единственный свидетель обвинения! Да что там! Прокуратура даже не станет возбуждать уголовного дела, чтобы не позориться! Если же устранить Табунова-сына превентивно, упомянутым или иным способом, его отец не останется равнодушным. Это было бы не по понятиям. А понятия для криминального авторитета – святое! Он будет мстить! Конечно, до господина Артюнянца ему вряд ли удастся добраться, но подвергать хоть малейшей тени опасности жизнь хозяина недопустимо! Если бы кто-либо из службы безопасности даже намекнул на такой вариант действий, он немедленно был бы уволен! Значит, если идти неформальным путем, следует устранить обоих Табуновых, желательно одновременно. И это службе безопасности господина Артюнянца вполне по силам. Была бы для такого варианта решения вопроса уважительная причина: конфликт деловых интересов или нелояльное отношение Табунова-старшего к господину Артюнянцу. Силовое урегулирование такого рода конфликтов происходит сплошь да рядом: каждый день СМИ сообщают о заказных убийствах деловых партнеров или конкурентов. Деловые люди к этому привыкли, и если бы авторитетного бизнесмена господина Табунова устранили по такой причине, бизнес-сообщество отнеслось бы к этому событию с пониманием. Такие действия вполне соответствуют понятиям. Но если служба безопасности господина Артюнянца ликвидирует авторитетного и уважаемого бизнес-сообществом предпринимателя только за то, что его сын не поладил с какой-то девчонкой, этого никто не поймет, напротив, все осудят. Потому что такой поступок уж никак не соответствует понятиям! А жить в обществе и быть свободным от общественного мнения не может себе позволить даже господин Артюнянц. Следовательно, служба безопасности в это дело вмешиваться не будет и предоставляет возможность событиям протекать своим чередом. Таким неутешительным итогом завершил свою речь Цаплин.

Сердце Дуни опустилось куда-то в область желудка, душа упала в пятки, а мозг обожгло запоздалое сожаление: зря потеряно драгоценное время. Напрасно понадеялась на якобы намагиченного петуха с его будто бы наведенными колдовскими способностями и на Гену Цаплина. Нужно было, не мудрствуя лукаво, точно выполнять предписание колдуньи: отрубить голову петуху и сделать последний и решительный отворот Додику, а заодно и его папаше. Чтобы семейка Табуновых, которая была в Разнесенске всем, разом стала никем. Но не все потеряно. Сегодня же вечером вместе с Титикакой начнем окроплять петушиной кровью и колоть иглами ритуальные куклы обоих Табуновых, и я уверена, что эта наисильнейшая вудистская порча подействует в положительном смысле, то есть наведет на них какую-нибудь тяжелую болезнь, вроде свиного гриппа. А мы, пока Табуновы истекают соплями, успеем убежать в Сингапур. Ты же, петух-обманщик, доживаешь последние часы своей никчемной жизни! Такой ужасной угрозой завершила Дуня свои размышления.

В ту же секунду непознанные наукой флюиды, а может, такие же непознанные волны, источаемые воспаленным от страха Дуниным мозгом, долетели до Разнесенска и пронзили федотовский сарай, где после трудов супружеских праведных на насесте среди убогатворенных хохлаток мирно дремал несправедливо обруганный Дуней магический петух. Разбуженный Дуниными флюидами, Петя вдруг встрепенулся, испуганно оглянулся, захлопал крыльями и ответил Дуне мощнейшим потоком колдовских флюидов, а может, не флюидов, а опять же непознанных наукой, но явно магических волновых субстанций. Во всяком случае, Гена Цаплин, хранивший мрачное молчание и пребывавший как бы в траурной прострации, внезапно очнулся, потер ладонью лоб, поглядел на Дуню сначала недоумевающим, а потом жалостливым взглядом, обнял отчаявшуюся девушку за плечи и ласково сказал:

– Успокойся, пусть наша служба безопасности отказалась решать твои проблемы, это сделаю я сам.

«Нет, петух-то, пожалуй, все-таки намагичен, то есть намагичен, – подумала Дуня, – нельзя его резать».

– Но тебе придется сегодня поехать ко мне в гости, и необходимо остаться со мной дня на два, на три. Надеюсь, нам не будет тесно вдвоем в моей комнате.

«Понятно, – горько усмехнулась про себя Дуня, – все вы, мужчины, такие... Нет чтобы сделать для девушки что-то бескорыстно. Куда там – ничего бесплатно! Только дашь на дашь... – Но тут же Геннадия и оправдала: – Кто в наше время вообще что-нибудь станет делать за так? Никуда не денешься – рыночное общество! И потом... В Гену я, конечно, не влюблена, но он мне и не противен, даже нравится. Почему бы не совместить довольно приятное с очень полезным и даже жизненно необходимым? Если мы станем близки, то уж свою-то невесту, почти жену, Геннадий точно постарается защитить и спасти...»

Дуня позвонила маме и сообщила, что хочет познакомиться с родителями Геннадия и, чтобы по темноте не возвращаться домой, у его родителей и переночует. Ирина Степановна хотела было восстать против такого попрания правил девичьего поведения и приличий, но потом вспомнила, как сама выходила замуж – тоже не очень придерживаясь принятой в те времена канонической последовательности событий, – и сделала вид, что поверила в платонические намерения дочери.

А Геннадий привез Дуню в свой малинский загородный дом и действительно познакомил со своей матерью. Правда, при этом больно царапнул по Дуниному самолюбию. Представил гостью не как свою невесту, на что надеялась Дуня, и даже не как подругу, а небрежно назвал просто знакомой. Дуня постаралась не показать обиды. В ее положении было не до гордых выбрыков. К тому же Геннадий мог при этом не иметь никакого желания ее унижить: ляпнул от невысокой культуры и отсутствия такта. Кроме Анны Ивановны, мамы Геннадия, Дуня познакомилась с молодой женщиной по имени Оксана. Она возилась с мальчуганом, называя его то

Михасиком, то Мишенькой. Когда мальчика уложили спать, Анна Ивановна пригласила взрослых пить чай. Геннадий украдкой шепнул Дуне:

– Как только сядем за стол, я заведу разговор о твоих занятиях вудистской магией. Ты поддержи и потом только весь вечер об этом и говори: хочешь, правду или рассказывай все, что взбредет в голову. Но не умолкай ни на минуту и мусоль только одну тему колдовства. Учти, от этого разговора зависит твое спасение.

Расспрашивать Геннадия, зачем это нужно, было некогда, и Дуня старалась выполнять его указания и за совесть, и за страх – весь язык отболтала. Анна Ивановна и Оксана слушали, разинув рот, ахали, охали, удивлялись и проникались к Дуне все большим почтением, приправленным опасением. И Оксана, прощаясь (ей нужно было возвращаться в дом своих работодателей Никандровых), пообещала, что сегодня же расскажет про Дуню дочке своего хозяина Марше, которая вообще-то живет в Америке, но сейчас приехала в гости к отцу. Марша тоже увлекается религией вуду и наверняка захочет с Дуней пообщаться, у них найдется о чем поговорить. Геннадий вызвался проводить Оксану, Дуня тоже пошла с ними прогуляться за компанию. Дошли до грандиозных ворот никандровского поместья, и Дуня поняла, что Оксанин хозяин Никандров, встретив господина Артюнянца в дебрях или джунглях российского бизнеса, вполне может к нему обратиться, как какой-нибудь удав Каа к тигру Шерхану: «Мы с тобой одной крови – ты и я!»

Наутро недоспавший после бурной ночи пылкой любви, но довольный Геннадий собрался на свою охранно-безопасную службу и, поцеловав Дуню на прощанье, оставил ей ценные указания:

– Сиди дома, никуда не отлучайся. Позвонит Оксана или сама Марша и пригласит в гости – соглашайся с благодарностью, но объясни: сейчас прийти не можешь – занята, получаю, мол, из астрала новые заговоры-наговоры. Или придумай еще что-нибудь в том же роде. Но как только я тебе позвоню – бегом к Никандровым без всякого особого предупреждения о своем визите.

– Если я не договорюсь заранее, охрана меня не впустит, – испугалась Дуня. – Помнишь, как обругали нас с мамой ваши охранники?

– У Никандровых на воротах дежурит Сергей Кузьмич, обязательный, культурный мужчина, бывший подполковник Космических войск. Он тебя не обидит, – успокоил Дуню Геннадий. – Ты только слушайся меня и останешься живой и здоровой.

Оксана, которую Геннадий всегда считал бесхитростной, простоватой, а если прямо сказать – бестолковой женщиной, потому и осталась на бобах, разведясь с его старшим братом Гришей, неожиданно показала себя дамой не промах. Видно, пообтерлась в столице, поняла, откуда деньги берут. Она позвонила сначала самому Геннадию с утречка, но попозже, и рассказала, что передала Марше все-все, о чем говорили он сам и его новая знакомая. Что Дуня – любимая ученица всемогущей колдуньи высшей степени посвящения, практикующей вуду-магию с использованием ритуальных кукол и петухов и обладающей сверхмагической силой. Поделившись с Дуней всеми своими оккультными знаниями, всемогущая ведунья назначила ее своей заместительницей на земле, а сама ушла в астрал, и следы ее затерялись в параллельном мире. Мисс Марша, услышав про такое диво, вся загорелась, просила поскорей познакомить ее с ученицей волшебницы и пообещала Оксане щедро заплатить ей за такую услугу. Геннадий намек понял и тоже посулил вознаградить бывшую родственницу за проявленное усердие.

– А еще я рассказала Юлии, как твоя Дуня подкармливала ту бездомную собачку, – вдохновилась надеждой на дополнительный бонус Оксана. – Теперь и Юлия прониклась к ней симпатией.

Геннадий пообещал раскошелиться и за дополнительный сервис и заверил, что Дуня обязательно придет повидаться с Маршей, но попозже. Сейчас она как раз через астрал общается со своей всемогущей учительницей.

Дуня с утра сидела как на иголках. Где-то в полдень позвонила Оксана, передала приглашение Марши. Дуня стала объяснять про занятия в астрале, как учил ее Геннадий, но Оксана, недослушав, отключилась. Ближе к вечеру Геннадий наконец скинул на Дунин мобильник эсэмэску: «Быстро к Никандровым. О Додике ни слова. Своими проблемами никого не грузи».

Дуня почти бегом добралась до помпезных никандровских ворот и робко пролепетала в переговорное устройство:

– К госпоже Марше. Оксана сказала, что меня пригласили, – и заранее съежилась, ожидая грозного рыка: «Пшла прочь! Ходят тут всякие...» Но против всякого ожидания услышала невероятный по вежливости ответ:

– Извините, милая девушка, я не получал относительно вас никаких распоряжений. Не соблаговолите ли назвать ваше имя, а я поставлю в известность мисс Маршу о вашем визите.

– Дуня, – пропищала визитерша (ее полное имя «Авдотья» казалось ей несколько старомодным, и она не любила его называть) и поднесла к видеооку свой раскрытый паспорт.

– Дуня, – вслух прочитал вместо «Авдотья» невидимый охранник (о, скромное обаяние интеллигентности!), – Афанасьевна, гм, Артюнянц? – огорошенный страж не смог скрыть удивления.

Но вот что значит хорошее воспитание – не полез в душу с бесцеремонными расспросами: «Вы из тех Артюнянцев? Каким двоюродным забором приходится ему ваш плетень?» Нет, хранитель ворот, еще раз извинившись, связался со своим начальством или прямо с Маршей, калитка с гостеприимным шуршанием въехала в стену, и бывший подполковник космических войск Сергей Кузьмич Воробьев любезно пригласил посетительницу войти. Усадил ее на резную скамейку возле караулки и развлекал культурным разговором до приезда джипа, на котором другой вежливый охранник отвез Дуню к особняку. Кстати, культурность, интеллигентность, любезность и вежливость Сергея Кузьмича произвели на Дуню такое сильное впечатление, что с тех самых пор она составила самое прекрасное мнение о Космических войсках и много позже, встречая уж очень любезного официанта, охранника или кого другого из обслуживающего бизнес-персон персонала, непременно осведомлялась:

– Вы случайно не служили в Космических войсках? – И по большей части ее предположения подтверждались.

Впрочем, иногда любезный официант возражал:

– Нет, я бывший офицер РВСН (то есть, Ракетных войск стратегического назначения).

А галантный швейцар, понизив голос, почти шептал:

– Я служил в ГРУГШ (то есть в Главном разведывательном управлении Генерального штаба).

Ну а молодцеватые, прекрасно сложенные и до ужаса очаровательные стриптизеры в женских ночных клубах браво рапортовали:

– Мы из ВДВ! (то есть из Воздушно-десантных войск).

И Дуня, беседуя с дамами из высшего общества на презентациях и корпоративных журфиксах, частенько высказывала мнение, что если бы служба составлялась непременно и исключительно лишь из выпускников военных академий и высших военных училищ, российский сервис ничуть не уступал бы европейскому. Но не будем забегать вперед...

Никандровский особняк выглядел настоящим дворцом Шахерезады, и Дуня невольно подумала, что загородный дом Цаплиных, которым Геннадий так хвастался, по сравнению с этим величественным сооружением – не более чем собачья конура. Охранник, привезший Дуню, в особняк ее не пригласил, а подвел к уютной диковинными растениями беседке, точнее – к изысканному павильону, где за длинным столом из красного дерева, окруженным умопомрачительной стоимости стульями на десять персон в том же стиле, сидели только две персоны: рыжекудрая девушка и интересный мужчина золотомолодежного вида. Дуня быстрым взглядом сразу оценила их одежду – просто, изысканно, сверхмодно, очень дорого. Рыжекудрая

приветливо улыбнулась и представилась Маршей. Молодой человек тут же поправил с ехидной усмешкой:

– Не Марша, а мисс Марфа!

– Это мой брат Никита, – отмахнулась от него Марша-Марфа, – не обращайтесь внимания на его приколы.

В это время прислуга, молодая красивая брюнетка с голубыми глазами, принесла четыре коктейля. Для кого четвертый, выяснилось быстро. По аллее к павильону приближалась экзотическая процессия: впереди бежали две крохотные собачки, а за ними шла молодая девушка в одеянии, представляющим коктейль из всех молодежных мод – от «Эмо» до «Панк». Дуня, которая в силу своего возраста молодежной модой очень интересовалась, даже рот разинула, пытаясь определить, что это за стиль такой.

– Это у нас называется «быть самой собой», – тем же ехидным тоном разрешил Никита ее недоумение.

На плече у самодостаточной девицы сидела светло-желтая кошка, а замыкал парад другой представитель кошачьих – здоровенный мордастый серый котяра. Девушка с улыбкой поздоровалась с Дуней и, протянув ей руку, сказала, что зовут ее Юлией, она наслышана о Дунином благородном поступке – спасении от голода бездомной собачки, и благодарит ее.

– От имени и по поручению всех бродячих лишайных шавок, – тут же уточнил Никита.

– Но одного благородного поступка мало, – продолжала Юлия, с презрением проигнорировав колкость брата, – гуманным людям следует объединяться и творить добро, спасая бедствующих друзей человека, всегда и везде. Например, почему бы не организовать приют для бездомных собачек в Разнесенске, чтобы тем самым спасти несчастных от злых людей, которых, видимо, в городе много?

– Опять она со своей Гринписью, – вслух прокомментировал Никита гуманное предложение Юлии.

Девушка снова проигнорировала насмешку. Разговор принимал нежелательный оборот. Гена Цаплин настоятельно просил Дуню не грузить Никандровых ее разнесенскими проблемами со «злыми людьми» и даже напомнил об этом в своей эсэмэске. Потому Дуня постаралась отвлечь собеседницу от скользкой темы:

– Какие у вас миленькие собачки! Как их зовут?

– Уся-Руся, – раньше хозяйки подсказал Никита.

Юлия бросила на брата неприязненный взгляд, у нее даже ноздри раздулись от злости.

– Беленькую зовут Усладой, а рыженькую – Русланочкой.

Дуня сделала вид, что не заметила неприличного перевираания Никитой собачьих кличек:

– А у кошечек какие имена?

– Вот эта, – погладила Юлия лежащую у нее на плече мурлыку песочного цвета – египетская...

– ...засранка, – продолжил Юлину рекомендацию Никита.

Глаза Юлии уже метали молнии, но она из последних сил продолжала делать вид, что пренебрежительно игнорирует издевательские насмешки брата:

– Вот эту египетскую кошечку зовут Клеопатра, а котика, – она указала на серого мордастого котяру и, бросив пронзительный взгляд на Никиту, взяла со стола свой коктейль...

Если Никита сейчас обзовет и этого кота, Юлия вцепит ему коктейлем прямо в физиономию, уверенно предположила Дуня. Никита, уже раскрывший рот, чтобы сказать сестрице очередную пакость, видно, тоже догадался о неминуемых последствиях и рот закрыл. А Юлия смогла беспрепятственно закончить фразу:

– ...а котика я назвала Брутом.

Назревавший силовой конфликт завершился перемирием, но Дуня обратила внимание, что все то время, когда Никита издевался над Юлией, Марша – нет чтобы заступиться за сестру

– едва скрывала злорадную усмешку. Юлия успокоилась, перестала метать глазами молнии и в окружении своей хвостатой свиты уселась за стол. Завязался разговор на общеинтересную тему. Марша рассказала, как, увлекшись религией вуду, специально ездила на Гаити, чтобы воочию ознакомиться с практикой тамошних колдунов по воскрешению мертвецов и превращению их в зомби. К сожалению, с главным колдуном ей встретиться не удалось – он погиб во время землетрясения. Но зазомбированных им бывших мертвецов она повидала достаточно. Рассказ Марши дополнил Никита: зомби-гаитяне – это еще что! И посетившие Гаити россияне, бывало, попадались на ту же колдовскую удочку! Он, например, лично знаком с одной такой зазомбированной в Гаити на голову путешественницей... Марша пренебрежительно пожала плечами, а Юлия бросила на нее быстрый взгляд и слегка усмехнулась.

«А сестрицы-то не очень любят друг друга», – отметила для себя Дуня.

Марша сделала вид, что не заметила Юлиного мини-предательства, и стала расспрашивать гостью о колдовских делах ее астральной покровительницы. Дуня честно отвечала, что сама не была свидетельницей оживления разнесенских мертвецов и превращения их в зомби. Но на разнесенском рынке этих зомби шляется видимо-невидимо. Кто-то же их зазомбировал?! Кроме Дуниной всемошной покровительницы больше некому. Но зато Дуня своими глазами видела и ушами слышала, как адептша белой и черной магии, сочетая гаитянское вуду-колдовство с исконно русским деревенским кондовым знахарством, намагичевала различные предметы, в том числе одушевленные, и эти намагиченные предметы сами приобретали колдовскую силу. Разумеется, тут же вмешался Никита: ему один такой намагиченный одушевленный предмет хорошо известен. Знахарства в этой метелке с глазами выше крыши, а магическая дурь... извините, магическая сила из нее так и прет...

Повисло напряженное молчание. Дуня, замерев, ожидала, как отреагирует Юлия на такое неприкрытое и грубое оскорбление: начнет визжать, запустит в брата коктейлем или просто разрыдается? Даже Марша, исподтишка злорадствовавшая, когда Никита подкалывал Юлию, на этот раз не усмехалась. И только потом до Дуни дошло, что адресатка колкости точно не определена. Кого Никита имел в виду? Юлию? А может, Маршу? Вот Марше и не до ехидных усмешек. А не пожелал ли Никита на этот раз пнуть не сестер, а гостью? Это предположение в какой-то мере даже польстило Дуниному самолюбию: красивый аристократ, плоть от плоти золотой молодежи, в некотором смысле ставит ее вровень со своими сводными сестрами – элитными аристократическими барышнями!

Напряженное недоумение разрядил приход подростка лет тринадцати на вид с бледным испитым лицом и расширенными зрачками глаз. Дуня таких много повидала и в школе, и на рынке... Похоже, торчок.

– Это наш братец Денис, но он требует называть его Дэном, так и зовем, – сообщила Марша.

Дэн уселся возле Дуни, но не рядом, а через стул, так как Дуня, стесняясь своей сумочки от нью-черкизонского кутюрье, положила ширпотреб на стул возле себя. Прислуга тотчас поставила перед Дэном коктейль, мороженое и вазу с фруктами. Разговор на оккультные темы возобновился и был интересен для всех, кроме Дэна. Дэн же никого не слушал, вертелся на своем стуле и пытался пнуть ногой Усладу и Руслану, облюбовавших себе место под столом. Юлии пришлось встать, обойти стол и поманить собачек к себе. А заодно она переставила Дунину сумочку на стул с другой стороны ее хозяйки. Дэн продолжал вести себя беспокойно и вдруг снова оказался возле Дуниной сумки. На этот раз Юлия, не выискивая приличного предлога, просто подошла, взяла Дунин ширпотреб и положила на колени гостьи. Никита не преминул сострить и по этому траги- или просто комичному поводу: мол, напрасно Юлия вмешалась и предотвратила эффект экстрасенсорной телепортации содержимого так заинтересовавшей Дэна сумочки. Дэн что-то злобно пробурчал себе под нос, кажется, даже нехорошо

выругался и удалился так же внезапно, как и пришел. Интересная беседа продолжалась после его ухода недолго. У Марши запиликал мобильник, она послушала и объявила:

– Анжелка приезжает!

Спустя несколько минут на асфальтовой дороге появился шикарный «майбах» в сопровождении джипа с охраной. Джип остановился поодаль, а «майбах» подкатил поближе к павильону, и как только машина остановилась, из нее выскочил – кто бы вы думали? – Гена Цаплин и с элегантным полупоклоном почтительно открыл дверцу машины, откуда вышла девушка, вся – с макушки до пяток – от кутюр. Но сама по себе, честно говоря, так себе... Обряди эту аристократку в обновки с оптового рынка, никто бы на нее и не глянул! Марша и Юлия приветливо замахали ей руками, а Никита направился навстречу гостье, удостоился ее поцелуя в щеку, и сам приложился к аристократическим щеке и ручке. Дуня сразу отметила: отношения между этими двумя бомондными молодыми людьми не просто дружеские. Девушка к Никите прямо-таки неровно дышит, и тот ей в любви не отказывает, хотя что-то не похоже, чтобы пылал к ней жгучей страстью. И тут вдруг Никита повернулся и попросил Дуню к ним подойти. Дуня приблизилась к влюбленной парочке, и Никита, улыбнувшись своей ехидной усмешечкой, их познакомил: «Дуня Артюнянц – Анжела Артюнянц». Типа, девушки, вы не родственницы? Анжела кивнула новой знакомой, но с такой кислой усмешкой, что и без сурдоперевода было понятно, что она хотела бы высказать в адрес своего возлюбленного, да постеснялась.

– Уж этот Никита! Не может обойтись без дурацких приколов. Ну ничего, под моим благотворным влиянием скоро исправится. Я ему разъясню: если дама случайно наступит своей эксклюзивной модельной туфелькой на что-то такое, о чем в приличном обществе не говорят, то и объявлять об этом вслух не следует...

Дуня шестым чувством усекла: если она сейчас не снимет негатив от их первого знакомства, Анжела стряхнет ее с подошвы своей туфельки, как лепешку того, о чем в приличном обществе не говорят, вытрет туфельку о траву, а ее вышвырнет из своей памяти прочь вслед за пахучей субстанцией. И с этого момента всякая надежда как-то приблизиться к Артюнянцам исчезнет навсегда. Поэтому Дуня улыбнулась как можно наивней и громко возразила:

– Ну что вы, Никита! Какая я родственница госпоже Анжеле?! Из уважения к громкой и знаменитой фамилии мы с мамой тоже взяли фамилию Артюнянц. А на самом деле мамина девичья фамилия – Подосинкина.

При последних Дуниных словах брови у Анжелы поднялись выше на лоб, она внимательно посмотрела на новую знакомую, но ее сообщение никак не прокомментировала. Разговор на оккультные темы продолжался уже с участием Анжелы, но не очень долго. Анжела с Никитой собрались ехать в Москву, в элитный ночной клуб, и Марша составила им компанию. Дуню они с собой не пригласили, а Юлия сама никуда ехать не захотела, объяснила, что ей нужно покормить своих хвостатых питомцев, проживающих на полном пансионе в ее собачьем приюте. Прощаясь с Дуней, Марша пообещала, что они еще как-нибудь встретятся и вместе проведут вудистский колдовской обряд с жертвоприношением петуха. Анжела после некоторого колебания тоже сказала, что надеется на новую встречу. Никита их примеру не последовал, к Дуниному большому сожалению. А она оценила бы его любезность куда дороже всех прочих обещаний... Одно дело быть девушкой или пусть даже невестой человека, другим двери открывающего (Гена Цаплин с почтительным поклоном опять открыл дверцы «майбаха» перед отъезжающими Анжелой и Никитой), и совсем иной поворот судьбы – стать подругой, а еще лучше – невестой такого новорусского аристократа, сына миллиардера, как Никита! Чтобы и перед тобой открывали двери с глубоким поклоном и почтительным трепетом. Эх, кто там надеялся, что мечты приносят сладость? Дуне будто насыпали в рот прогорклой крупы: самой понятно, что до такого кавалера ей далеко и высоко, как до Солнца! На душе сделалось совсем погано: не жить ей в шикарном никандровском особняке, а ютиться в собачьей конуре Гены Цаплина! Да и это еще в лучшем случае, если Гена соизволит сделать ей предложение и,

главное, укротит Додика с крокодилом и всей его криминальной бандой. Юлия посочувствовала загрустившей Дуне, не заставила ее тащиться пешком по темнотище до дома Цаплиных, а велела одному из охранников отвезти гостью восвояси на машине. Прощаясь, собачья благодетельница вручила ей визитку с номером своего мобильного и попросила узнать насчет возможности организовать приют для бедствующих разнесенских шавочек по месту их бродячего проживания. На том и расстались.

Дуне не хотелось возвращаться в цаплинский флигель: Гена вернется со службы не скоро, а общаться с его мамашей у нее пропало желание после того, как случайно подслушала разговор потенциальной свекрови с соседкой Надеждой Павловной. Да, не зря Дунина старшая сестра Лиза, теперь Прасолова, заранее предчувствовала, что будет пить ее (образно говоря, пить ее кровь) муж-привередник господин Прасолов и свекровь в три погибели гнусить! Все они, свекрови, таковские – и нынешние, и будущие. Вот и Анна Ивановна в глаза Дуне – сю-сю-сю да ах-ах-ах, деточка, милочка, деточек пора бы Геночке завести. А за Дуниной спиной с такой же, как она, ядовитой бабкой Надеждой Петровной все косточки Дунины перемыли:

– И что это за девки такие пошли? В наше время девушка замуж честной выходила: до свадьбы ни-ни! А нынешние?! Тьфу! Взять хоть ту же Дуню... Только с парнем познакомилась – и уже шасть к нему в постель!

– А где ты теперь лучше найдешь? Может, другая еще похлеще этой Дуни окажется!

– Да уж! Та, что раньше к Генке приходила, воще пробы ставить негде!

– Не говори! У меня волосы дыбом вставали: не дай бог, думаю, Геночка на ней женится... Дуня-то по сравнению с той еще ничего. По крайней мере, ее в доме принимать не стыдно...

«Ну спасибо за такие комплименты... Честными они, видите ли, замуж выходили! Если бы вас собирались живыми в землю закопать или скормить крокодилу, посмотрела бы я тогда на вашу честность!» – в который раз переживала обиду Дуня.

А тут еще позвонил Геннадий: Марше с Анжелой пришла в голову фантазия на недельку-другую слетать в Париж – посетить показ новых мод. Потом – отдохнуть на курорте Форте-дей-Марли, затем Сардиния, Венеция – там открывается бьеннале современного искусства. Геннадий должен Анжелу сопровождать, так что увидеться с Дуней он сможет не раньше, чем недельки через две.

– Увидимся, если жива буду, – не смогла сдержать «оптимизма» покинутая возлюбленная.

– Будешь жива! – уверенно успокоил ее Геннадий. – Никого не бойся: у тебя теперь есть охранная грамота! Кстати, дубликат скоро получишь по почте.

«Ему хорошо выражать такую уверенность, гуляя по Сардиниям да Венециям, там никого крокодилам не скармливают, – с горечью подумала Дуня. – Тысячу раз права Лиза, называя всех свекровей змеями подколотыми, а мужиков – бессовестными козлами и врунами записными! Какая охранная грамота? Кто мне ее выдал? Марша и Анжела, правда, пообещали встретиться, но неизвестно когда – в неопределенные года. Никита и такого снисхождения не оказал. Эмоготопанковая Юлия хоть и удостоила номера своего телефона, но охранять и защищать готова только бродячих собак. До меня ей никакого дела нет...»

Окончательно расстроившись от горьких размышлений, Дуня попросила водителя отвезти ее в Разнесенск – у Цаплиных ей искать уже было нечего. Ох, какую кислую рожу скорчил никандровский водила! Этот точно в Космических войсках не служил. О чем и уведомил Дуню не только кислой мимикой, но и надуманными отговорками, только подтверждающими известную истину: вежливые слова служат для того, чтобы скрыть невежливые мысли... Но Дуня его квадратную башку просветила, как рентгеном: ловкач рассчитывал подбросить пассажирку на соседнюю улицу, быстренько освободиться, а потом «побомбить» на хозяйской

машине с пользой для своего кармана. Только Дуня за все неприятности, которые претерпела от мужского племени, хоть на нем частично отыгралась:

– Я сейчас позвоню Юлечке. Может, она все же разрешит вам довезти меня до дома?

Нахальный водила сразу поджал хвост. Ишь как перетрусил! С никандровской дочкой, хоть она и чумовая, а может, как раз поэтому, связываться побоялся!

Когда Дуня в подробностях рассказала родителям о своих приключениях, госпожа бывшая Федотова, с одной стороны, пришла в восхищение: ее дочь познакомилась с такими людьми, до которых – как до неба! С другой стороны – в сомнение: верить ли в фанфаронские обещания Геннадия насчет охранной грамоты? С третьей – все федотовско-артюнянцевское семейство в уже привычном ужасе опять обсудило извечный вопрос: что делать? Впрочем, работа по спасению семьи от перспективы адовой была начата раньше и делалась уже, оставалось только продолжать в том же духе. Поставили решетки и на чердачное окно. Дуня с мамой заперлись в доме, а глава семейства решил купить охотничье ружье, а лучше карабин, но в разрешительном отделе полиции ему отказали в лицензии: мол, не хотим, чтобы в городе началась стрельба.

– Хотите, чтобы нас зарезали по-тихому? – с горечью спросил полицейского чина господин Федотов.

– Как можно допускать такие демагогические заявления?! – вскипел благородным негодованием полицейский чин. – Правоохранительные органы всегда стояли и стоят на страже законности! Полиция всегда! И никогда! А вы!..

Господин Федотов плюнул и ушел.

– Нужно было все бросить и добираться до Сингапура хоть пешком! – сказал он жене. – А теперь остается надеяться на ту охранную грамоту, что обещал нам Геннадий Цаплин, защищаться подручными средствами и держаться до последнего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.